

коиюшня, в которой должны поддерживаться хозяином чистота и опрятность.

Статья 49-я. Игры, вредныя для здоровье ілі приносящія матеріальній убиток, напімер: атлетическая борьба, тотолізатор, рулетка, карти, лотереі, голубятничество і другія, должны Последователі Нравственной Религіі, непременно, избегать.

Статья 50-я. Безнравственныя зрелища і ігры, напімер: театры с любовными і другими подобными пьесами, кабаки с безстыдными представлениями, дома, приспособленные к удовлетворенію любовной похоті, і другие этим подобные, вертепы, должны Последователі Нравственной Религіі, непременно, избегать.

Статья 34-я. Половое сообщеніе, между супругами у Последователі Нравственной Религіі, может происходить, только тогда, когда это нужно: для размноженія потомства, а не для удовлетворенія любовной похоті. Примечаніе 1-е. Половое сообщеніе, между несупругами у Последователей Нравственной Религіі, не должно происходить. Примечаніе 2-е. Половое сообщеніе, особенно, между Послед. Нрав. Религіі и идолопоклонниками не должно происходить.

Статья. Супружество не может Последователями Нравственной Религіі заключаться между близкими родственниками следующего сродства: отец с дочерью, мать с сыном.

Статья. Книгам, брошюрам, рукописям, газетам, журналам и другим органам печатнаго или писаннаго слова: не должны Последователи Нравственной Религіі слепо доверять, а должны к ним относиться осторожно, так как некоторые органы слова, пользуясь доверіем публики, лгут, и обманывают ее.

О наделах.

Статья 50. Общество Последователей Нравственной Религіі должно своих одноверцев наделять землей таким образом: чтобы на каждаго человекѣ без различія пола приходилось: три квадратных стошага пахотной земли и три квадратных стошага лесной земли.

Статья 56. При разделе лесной и пахотной земли главы отдельных семейств пользуются преимуществом перед другими членами семьи.

О наделах.

Статья 55. § 1. Главой семьи считаются: следующие члены Общества. Каждый мужчина и каждая жена с возраста двадцати одного года.

О суде.

Человек, принадлежащий к Обществу Послед. Нрав. Религ., но не отказавшийся от привычек и пороков идолопоклонников, не должен признаваться Членом Общества Послед. Нрав. Религии и должен быть лишен участия в советах Общества, так как при порочных стремлениях этого человека, он будет только замедлять решения и вредить согласию Общества.

Статья 51-я. Последователи Нравственной Религии мужского пола должны себе выбирать имена из следующего собрания имен:

Собрание мужских имен.

Азбучный порядок А. Строка 1-я. Анель (апельсин). 2-я. Алмаз. 3. Аметист. и т. д.

Имена женскія.

1) Аля, Фиола (фиалка). 2) Альма (алмазная). 3) Аня Влага (влажность). 4) 5) 7) Яся (ясная). 8) Янта (Янтарная). 9) Яша (Яшма).

Все это доказываетъ, какъ обширна можетъ быть бредовая идея и съ какой полностью можетъ она отражаться въ литературномъ произведеніи больного. Подобнаго больного было несравненно легче изучать по его произведенію, чѣмъ бесѣдая съ нимъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на своеобразную орфографію, употребляемую больнымъ.

Отражая въ себѣ бредовую идею и являясь прекраснымъ пособіемъ для діагностики и для изученія картины

страданія, рукописи, замѣтки, письма и пр. могутъ служить также и для цѣлей дифференціального діагноза.

Бываютъ, напримѣръ, случаи, когда намъ приходится рѣшать вопросъ въ медицинскомъ или судебно-медицинскомъ отношеніи, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло—съ *paranoia chronica*, или же съ *dementia consecutiva*, развившейся изъ паранойи.

Провести границу бываетъ подчасъ нелегко,—слабоуміе слишкомъ относительное обозначеніе. Въ этомъ случаѣ изслѣдованіе письменныхъ произведеній оказываетъ услугу.

Мы можемъ указать на случаи, когда приходилось измѣнять діагнозъ послѣ изслѣдованія рукописей. Marcé¹⁾ рассказываетъ о больной, находившейся подъ наблюденіемъ опытныхъ врачей, которыми она трактовалась, какъ вторично слабоумная. Къ этому имѣлись данныя, такъ какъ больная проявляла чрезвычайно мало инициативы, не отвѣчала на вопросы, какъ бы не понимая ихъ, сторонилась окружающихъ и не вела съ ними разговоровъ. Однако, тайкомъ по вечерамъ она записывала свои впечатлѣнія за день. Эти замѣтки, случайно попавшія въ руки врача, убѣдили его, что у больной нѣтъ пока и тѣни слабоумія; въ запискахъ можно было обнаружить цѣлую систему бредовыхъ идей и отвѣты на тѣ вопросы, на которые больная не отвѣчала врачу днемъ. Другой случай приводится Guntz'емъ. Больной былъ принятъ за слабоумнаго, но, просмотрѣвъ его рукописи, пришлось измѣнить свое мнѣніе. Только что указаннымъ приѣмомъ изслѣдованія нельзя сказать, чтобы широко пользовались, тогда какъ, по нашему мнѣнію, онъ заслуживаетъ вниманія, давая возможность приблизиться къ рѣшенію вопроса, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло—съ переходомъ въ слабоуміе, съ временнымъ состояніемъ затишья страданія, или со скрытностью больного, когда онъ перестаетъ почемулибо на словахъ высказывать свои идеи. Сопоставляя результатъ анализа письма съ другими симптомами, мы можемъ придти къ тому или иному рѣшенію.

Далѣе слѣдуетъ обращать вниманіе на желаніе больного писать и на обиліе рукописнаго матеріала.

¹⁾ Marcé. Op. cit.

По сравненію съ другими формами душевнаго разстройства, параноики пишутъ много, въ особенности страдающіе сутяжнымъ помѣшательствомъ, *paranoia reformatoria*, эротоманы; пишутъ охотно, безъ принужденія, по собственной инициативѣ, что стоитъ въ зависимости отъ психическаго состоянія, въ которомъ преобладаетъ избытокъ психическихъ операци, по крайней мѣрѣ въ разгарѣ созидательной работы. Въ виду этого наблюдаемое въ теченіи параноии уменьшеніе желанія писать служитъ симптоматическимъ явленіемъ; на него слѣдуетъ обращать вниманіе, оцѣнивая на ряду съ другими симптомами и понимая, при устраненіи другихъ причинъ для отказа, какъ симптомъ переходнаго состояніе къ слабоумію, подкрѣпленіе чего можетъ найти и въ самомъ содержаніи письма. Лаконическая форма письменнаго изложенія мысли, какъ и лаконическая рѣчь, по нашему мнѣнію, имѣетъ также симптоматическое значеніе, указывая на концентрацію бредовыхъ идей, т. е. опредѣляя собою слѣдующій за кристаллизацией бреда стадій; количество ассоціаций идей не можетъ быть здѣсь особенно обильнымъ, онѣ отливаются какъ бы въ опредѣленныя болѣе или менѣе формы. Стадій концентраціи постепенно переходитъ въ стадій слабоумія, которое мало по малу начинаетъ выступать въ содержаніи написаннаго бѣдностью идейнаго матеріала, однообразіемъ, повторяемостью и наивностью формулированныхъ идей.

Какъ образчикъ уже блѣднѣющаго идейнаго содержанія мы можемъ привести для примѣра слѣдующія лаконическія требованія, монотонно повторяемая въ письмѣ больнымъ.

Безъ домолвокъ $\frac{3}{10}$ 1903.

1. Не служить—работать не хочу. Работать я желаю для работающихъ. Для взносящихъ за свое содержаніе деньги, для не могущихъ работать, для не желающихъ работать, для зарабатывающихъ себѣ на полное содержаніе—работать не буду.

2. Не лечь на койку—работать перестать. Работать перестать за содержаніе платить требуется и въ силу собственныхъ взглядовъ работать нужно. Живу безъ женщины въ ожиданіи освобожденія, когда-либо.

Или такого рода образчикъ:

1. На полу сижу,
2. На полу сижу, руками закрываюсь.
3. Сплю—Затворяю дверь въ спальнѣй, на пьедесталѣ, высказанномъ А. М. З. 8-го минувшаго августа.
4. Сидѣть желаю на креслѣ обязательно на одномъ и томъ же мѣстѣ.
5. Кушать—желаю, чтобы мнѣ сразу ставили оба блюда.

Подобные образчики указываютъ, какъ суженъ кругъ интересовъ больного.

При анализѣ письма страдающихъ бредовымъ помѣшательствомъ второе, на что слѣдуетъ обращать вниманіе—это внѣшность произведенія. Къ этому мы до извѣстной степени уже приблизились.

Въ графическомъ отношеніи, говоритъ Kraft-Ebing¹⁾, у параноиковъ очень часто замѣчаются: измѣненія почерка, причудливые росчерки, украшенія буквъ, подчеркиванія словъ и отдѣльныхъ слоговъ. Замѣтимъ, что приведенныя особенности этимъ не исчерпываются. Ссылаясь на проф. П. И. Ковалевскаго²⁾, мы добавимъ, что помимо этого параноикъ повторяютъ по нѣсколько разъ одну и ту же букву, пишутъ сзади на передъ, пишутъ по русски, но буквами другого алфавита и пр.

Lombroso³⁾, говоря о письмѣ страдающихъ монотоніей resp. первичнымъ бредовымъ помѣшательствомъ, указываетъ на важность изслѣдованія подобныхъ документовъ уже потому, что нѣкоторые только и выражаютъ свою мысль письменно, совершенно отказываясь бесѣдовать. Какъ

¹⁾ Kraft-Ebing. l. c. стр. 325.

²⁾ Проф. П. И. Ковалевскій. Психіатрія.

³⁾ Lombroso. Handbuch der Graphologie. 1893.

на важный діагностическій признакъ подобнаго страданія Lombroso указываетъ на наклонность писать второй текстъ между словъ. Мы обладаемъ подобнымъ образчикомъ, но полагаемъ, что эта особенность равносильна по своему значенію и другимъ внѣшнимъ особенностямъ, какъ, на примѣръ, — желаніе писать и горизонтально и вертикально на одной и той же бумагѣ, писать колоннами и пр. Lombroso указываетъ также, что страдающіе сутяжнымъ помѣшательствомъ пишутъ растянутымъ шрифтомъ. Въ подобной аттестациі письма сутягъ вѣрнѣе говорить графологическое направленіе Lombroso; мы не обладаемъ такой проницательностью, но если позволительно, то склонны дать иное объясненіе. Растянутый шрифтъ параноиковъ, если только онъ не индивидуальное явленіе, наблюдаемое и въ здоровомъ состояніи, скорѣе говоритъ за желаніе увеличить количество написаннаго и тѣмъ придать особый вѣсъ и значеніе своему письменному произведенію; это называется и у сутяжно-помѣшанныхъ.

Замѣтимъ кро мѣ того, что Lombroso указываетъ, какъ на особенности параноическаго письма, въ которомъ каждая буква замѣнена особыми знаками, что конечно является уже признакомъ символизаціи, точно такъ же, какъ наклонность иллюстрировать написанное малопонятными, или совершенно непонятными, чертежами и рисунками. Christoph von Schroeder¹⁾, вполне справедливо замѣчаетъ, что всѣхъ внѣшнихъ особенностей письма параноиковъ описать невозможно. Онъ указываетъ на изобрѣтеніе новыхъ словъ, употребленіе различныхъ знаковъ, цифръ, своеобразной орфографіи и пр.

Мы позволимъ себѣ привести нѣсколько образчиковъ, иллюстрирующихъ внѣшнія особенности параноическаго письма.

На примѣръ больной умышленно удваиваетъ и утрае-

¹⁾ Christoph von Schroeder. Op. cit.

ваетъ количество буквъ и располагаетъ строки въ формѣ стиховъ. Подобный примѣръ мы встрѣтили у проф. П. И. Ковалевскаго.

Предлагаю и прошу
Принять и зачислить
Начальникомъ Тамбовской
Губернни т. е.
Губернаторомъ иміанно
Г-нна Гррафа Алекссандра
Ивановича
Морравлянниковва
Молодого челоуѣкка.
Перревессть сіе ннужно
По французски и объявить
О семъ въ полиціи
Въ Тамбовѣ т. е.
Суассоннѣ къ восстокку
Въ Европѣ
Быть по сему Іоаннъ V царрь одинъ изъ Пэн-
таррхіи.

Или образчикъ, гдѣ больной употребляетъ подчеркиваніе:

....., Я не разъ слышалъ о Вашемъ благополучіи и надѣюсь, что вы будете благоденствовать, пока останетесь истиннымъ и вѣрнымъ слугой Господнимъ, но только до до тѣхъ поръ, какъ я уже говорилъ вамъ. То состояніе, до котораго я доведенъ нанесеннымъ мнѣ оскорбленіемъ и несправедливостью, извѣстно вамъ въ точности и лучше, нежели мнѣ, потому что все для меня полнѣйшая тайна кромѣ того, что я дѣйствительно знаю и что заставили меня прочувствовать. Въ заведеніяхъ этого рода такъ много «пантомимъ», что я не обращаю вниманія на подобную бессмыслицу. Я не дождался ни удовлетворенія, ни какого-либо улучшения!! Вамъ извѣстно, насколько, вы участвовали въ нанесенной мнѣ обидѣ. Было и есть до сихъ поръ много прекрасныхъ вакантныхъ мѣстъ, изъ которыхъ одно готовилось мнѣ, хотя я считаю годной для себя всякую мѣстность,

лишь бы очутиться подальше отъ «сумасшедшихъ домовъ». Я въ постоянномъ ожиданіи «свободы», «удовлетворенія» и «доходнаго мѣста». По моимъ заслугамъ и нравственной чистотѣ я давно могъ бы сдѣлаться архіепископомъ» и т. д. ¹⁾.

Образчикъ, въ точной копіи съ письма параноички, особенность котораго заключается въ томъ, что второй текстъ написанъ между строкъ, мы имѣемъ на слѣдующей страницѣ. Это является прошеніемъ на Высочайшее имя.

Больная Д., 38 лѣтъ, замужняя поступила въ 1900 году въ Лечебницу д-ра И. Я. Платонова, которымъ и доставленъ намъ прилагаемый образчикъ письма. За 2 года, до поступленія болѣзнь проявилась бредомъ преслѣдованія съ устрашающими галлюцинаціями. Спустя нѣкоротое время, состояніе улучшилось и больная была взята домой, но чрезъ годъ снова явился бредъ преслѣдованія, при чемъ больная высказывала боязнь, что убьютъ ее и вмѣстѣ съ ней дочь, ни на шагъ не отпускала отъ себя ребенка, во всѣхъ видѣла своихъ враговъ и пр. Въ этомъ состояніи она и была помѣщена въ Лечебницу. Находясь здѣсь, считаетъ себя вполне здоровой, но врачей и окружающихъ обвиняетъ въ злыхъ умыслахъ. Ежедневно обращается съ просьбой отпустить ее домой безъ различія и къ врачамъ и къ посѣтителямъ. Ежедневно пишетъ письма къ своимъ родственникамъ одного и того же содержанія; пишетъ также прошенія на Высочайшее имя, одно изъ которыхъ нами и приводится въ копіи.

¹⁾ См. Thomas. S. Clauston. Клинич. лекціи по душевнымъ болѣзнямъ. Переводъ съ англійск. Спб. 1885 г.

Какъ образчикъ, гдѣ для русскихъ словъ больнымъ употребляется иностранный алфавитъ, можетъ служить слѣдующее стихотвореніе.

Solnze i diplomat
Swietilo umow s nebesnych tschertogow
Lubujas prirodoi na zemlu gliadit,
I tainym dychaniem pob wzorom wsiech wzorow,
Odietoe wieroi serdza weselit.

Наконецъ образчикъ, гдѣ употреблены символическія знаки, вмѣсто фразъ:

Больной пишетъ:

Я слава Богу живъ и здоровъ + чего и вамъ отъ души желаю. Живется мнѣ очень хорошо, только бѣда та, что не на свободѣ +. Еще-бы лучше было если-бы были деньги (+); съ деньгами можно сдѣлать все, а безъ денегъ ничего и т. д.

Долго проф. П. И. Ковалевскій, которому было доставлено это письмо, не могъ добиться, что означаютъ значки +, + и (+), пока наконецъ самъ больной не разъяснилъ: + крестикъ означаетъ праздникъ, поэтому во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ говорилось о пріятномъ, больной ставилъ крестикъ, такъ какъ это символъ пріятнаго. Символъ непріятнаго или отчаянія +, — этотъ знакъ напоминаетъ намъ собою кладбищенскіе кресты, поэтому, напр., говоря о лишеніи свободы, онъ ставитъ знакъ +. Крестикъ въ кругу означаетъ большой праздникъ, поэтому ставитъ его всюду, гдѣ говорится о большомъ удовольствіи, такъ напр., о днягахъ, съ которыми можно имѣть всевозможныя удовольствія.

Вглядываясь во внѣшнія особенности письма параноиковъ и пытаясь психологически изучить ихъ, мы должны придти къ заключенію, что причина этого интереснаго явленія не всегда одинакова.

Въ основѣ этого, намъ думается, лежитъ желаніе выдѣ-
лить свое произведеніе, сдѣлать его особенно оригинальнымъ,
придать ему исключительныя качества, подобно тому какъ
и собственная личность больного выдѣляется имъ изъ ряда
другихъ.

Подобный образчикъ мы приводимъ здѣсь.

Предложенный образчикъ, если можно такъ выразить-
ся, представляютъ своеобразную фотографію больного; та-

кому странному сравненію не особенно удивятся лица, знающія лично больного. Это параноикъ, прошедшій стадію преслѣдованія, находится въ стадіи величія, которое отражается во всей его фигурѣ, въ манерахъ, въ отношеніяхъ къ окружающимъ; даже молитва и та не лишена внѣшнихъ особенностей,—она какъ бы снисходительно высокомерна. Больной сдержанъ, не высказываетъ прямо своихъ идей, но переоцѣнка личности сказывается во всемъ. Молчаливо и почти ежедневно онъ предъявляетъ врачу свою оригинальную визитную карточку съ длиннымъ титуломъ съ требованіями написанными на оборотѣ. Онъ не ждетъ удивленій и заранѣе увѣренъ въ своемъ превосходствѣ.

Кромѣ измѣненія въ каллиграфіи, больными выбираются и другіе приемы: особенное качество бумаги, особый форматъ, обрѣзъ и др. приемы, такъ напр., больной М. Могол'я, склеилъ листы своей рукописи, отчего получилась лента въ 5 метровъ длины, на которой онъ написалъ свою поэму. Желая придать особенный смыслъ написанному слову или фразѣ, больные употребляютъ подчеркиванія разными линіями, принимая во вниманіе ихъ толщину и форму, ставятъ ударенія на словахъ, употребляютъ скобки разныхъ величинъ и формъ.

Въ дальнѣйшемъ мы видимъ еще большія осложненія въ способѣ выражать свои мысли. Всѣ выше указанные приемы мало по малу не удовлетворяютъ больного, они не отгѣняютъ желаемого смысла; приходится изобрѣтать новые знаки, связывая съ ними опредѣленный смыслъ. На сцену выступаетъ символизація.

Въ одномъ рядѣ случаевъ съ точки зрѣнія больного символизація носитъ утилитарный характеръ: она помогаетъ ему скрывать свои идеи, которыя при иномъ способѣ письма могли бы быть обнаружены. Но въ другихъ случаяхъ у больного развивается желаніе выразиться символами для самого себя, находя это болѣе совершеннымъ, чѣмъ обыкновенный способъ.

Оригинальный примѣръ подобной болѣзненной симво-

лизации мы можемъ привести, заимствуя его изъ работы д-ра Андрея Попова¹⁾

$$\left(\frac{a+b}{ab}\right)x + (1+2)y = 0; \left(\frac{\Delta+\square}{nc\sigma}\right)x + (\perp + 11)y =$$

$$\left(\frac{\zeta+\chi}{\langle .V \rangle}\right)^2 + (f+=)\Theta(\zeta)3\sqrt{-a^2}.$$

\sqrt{Nlgv}

Подобнымъ образомъ больной, бывшій ранѣе на математическомъ факультетѣ, выражаетъ свои разсужденія на темы какъ математическаго характера, такъ и темы философскія, гдѣ употребляются имъ разнаго рода математическіе знаки.

У того же больного мы наблюдаемъ желаніе пояснить свои символы, но поясненіе очевидно представляется яснымъ лишь его сознанію.

$\left(\frac{x}{o}-1; \frac{x}{7}\right)$ = символъ довѣрія; или на другомъ клочкѣ бумаги:

климатъ+голосъ+человѣкъ+золото+ожида- } Символы
ніе+серебро+характеръ+рѣчь+власть+увѣ- } моего
систость+небо+языкъ+общество } сознанія.

Еще: „крицента—&; атулита Z, юлекита ^o/Г, нудита—¹/+, —все рефлексы символа памяти.

Помимо всего сказаннаго о внѣшней сторонѣ письма, можно упомянуть также объ образованіи новыхъ словъ, что можетъ быть сначала звуковымъ способомъ символизации, а затѣмъ переносится больными и на бумагу.

Образованіе новыхъ словъ, которое мы имѣли у основателя Богочеловѣческаго Завѣта, носитъ идейный харак-

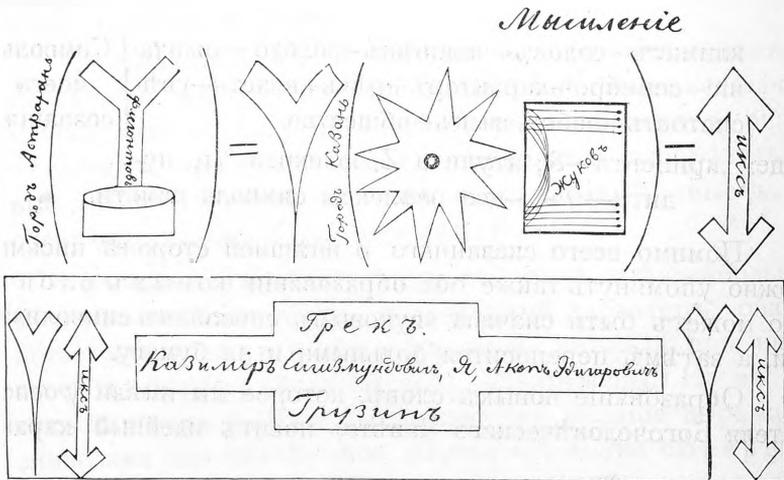
¹⁾ Андрей Поповъ. Архивъ психіатріи, т. XXIV.

теръ, стоящій въ связи съ всеобщимъ переустройствомъ жизни и не носитъ явныхъ слѣдовъ символизаци. Въ другихъ случаяхъ слова искажаются или создаются новыя въ цѣляхъ обозначить ими или особенныя представленія, или условное понятіе.

Слова, напр., „крицента“, „атулита“, „юлекита“, „нудита“, предложенныя въ образцѣ, имѣютъ и соотвѣтствующія имъ графическія обозначенія.

Въ одномъ письмѣ интеллигентная больная, страдающая параноей съ признаками уже развивающаго слабоумія, употребляетъ слово „бея“ вмѣсто слова „ударъ“, „заушеніе“. Она пишетъ по поводу XX столѣтія, говоря, что кулачное право прошло: „пора „бея“ прошла“ и въ скобкахъ опредѣляетъ это новое слово: когда васъ ударяютъ, то говорятъ бѣ, но если и „я“ отвѣчается тѣмъ же, то получается слово „бея“, оно значитъ обоюдное столкновеніе; слова „обя“, „зебе“, употребленныя въ письмѣ, оставлены ею безъ объясненія. Такихъ примѣровъ можетъ быть не мало.

Другой, не менѣе яркій примѣръ болѣзненной символизаци, путемъ котораго выражены цѣлыя фразы, мы имѣемъ здѣсь.

Больной В. С. въ Казанск. Окр. Лечебницу переведенъ изъ Астраханскаго Приказ. Общ. Признанія въ 1898 году, но еще

ранѣ съ 1883—1886 годъ онъ находился въ Каз. Лечебницѣ съ диагнозомъ нравственнаго помѣшательства (Moral insanity). Сынъ священника, съ нисшимъ образованіемъ, канцеляристъ по должности, больной былъ доставленъ въ Астраханскую больницу въ состояніи спутанности. Черезъ мѣсяць онъ настолько оправился, что могъ дать о себѣ кое-какія свѣдѣнія; былъ молчаливъ, видимо спокоенъ и вель себя корректно, но однажды разразился потокомъ ругани по адресу священника, пришедшаго съ крестомъ въ отдѣленіе. Къ врачу относился дружелюбно, но таинственно подавалъ ему записки съ символическими знаками. Называлъ себя юристомъ, канцеляристомъ, агрономомъ, пейзажистомъ; отказывался участвовать въ работахъ, былъ очень обидчивъ, называлъ себя не русскимъ, а Весгійцемъ.

Будучи переведенъ въ Каз. Окр. Лечебницу онъ продолжаетъ тотъ же таинственный способъ обмѣна мыслей на бумагахъ, держится высокоомѣрно, никому не подаетъ руки. Однажды сообщилъ, что въ Астраханской больницѣ его посетила Государыня и сказала ему, что онъ будетъ переведенъ въ Казань, а затѣмъ къ Бодровой; кто эта Бодрова—остается тайной. Временами держится развязно, свысока, значительно переопѣнивая свое достоинство. Сознанія мѣста, времени, сохранены. Больной однажды высокоомѣрно замѣтилъ врачу знаетъ ли онъ, какой князь находится въ отдѣленіи. Требуется, чтобы вставали, когда онъ приходитъ.

Съ врачами бесѣдуетъ путемъ таинственныхъ записокъ, выражая въ нихъ разнаго рода требованія, свои мысли, поясняя это скобками разныхъ величинъ и знаками. Символизация больного весьма разнообразна. Одинъ изъ образчиковъ его оригинальнаго письма нами и приведенъ.

Судя по исторіи болѣзни, мы имѣемъ дѣло съ бредовымъ помѣшательствомъ, находящимся въ стадіи величія, что можно заключить изъ отрывочныхъ фразъ больного и его отношенія къ окружающему. Больной въ общемъ скрытенъ и пользуется символизацией, какъ способомъ не обнаружить своего званія съ одной стороны, а съ другой она удовлетворяетъ его какъ особенная форма письменной рѣчи.

Инымъ изъ своихъ символическихъ обозначеній онъ даетъ поясненіе и лишь удивляется, что его плохо понимаютъ.

Такъ, по поводу приведеннаго выше нами образчика, намъ пришлось бесѣдовать съ больнымъ, при чемъ онъ далъ поясненіе лишь части имъ изображеннаго.

Фигура въ скобкахъ налѣво въ первой строкѣ изображаетъ служителю Астраханской больницы, гдѣ больной ранѣ находился, а потому эта фигура (Флегонтовъ), поставлена въ скобкахъ. Знакъ равенства означаетъ то, что больной опять въ Лечебницѣ, въ окружной (кругъ со звѣздой), гдѣ фигура съ надписью Жуковъ изображаетъ телефонъ или телеграфъ; здѣсь онъ опять встрѣчаетъ фигуру „иксъ“, служителя, который опять стоитъ передъ нимъ. Болѣе обстоятельнаго поясненія намъ не удалось получить. Что же касается значенія служителей, то нашъ больной особенно бывалъ недоволенъ, когда дежурный по палатѣ служитель находился противъ него, оскорбляя, видимо, тѣмъ достоинство больного; объ этомъ онъ не разъ заявлялъ врачу.

Въ дальнѣйшемъ теченіи бредъ больного сталъ менѣе выраженъ. Онъ менѣе протестуетъ, ведетъ жизнь однообразную, монотонную, проявляя признаки уже развивающагося слобоумія. Въ болѣе поздній періодъ онъ пишетъ локоническія требованія съ характеромъ идей величія, но пустыя по своему содержанію, образчики чего нами приведены выше.

Анализируя письмо параноиковъ съ внѣшней стороны, дѣйствительно нужно согласиться съ Марсэ¹⁾, что характерныя его особенности развиваются не въ самомъ началѣ страданія. Въ свѣжихъ случаяхъ параноическое письмо ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго и тогда слѣдуетъ обратить вниманіе на содержаніе рукописи. Въ дальнѣйшемъ начинаютъ выступать особенности, идущія параллельно съ процессомъ кристаллизаціи бреда, въ которомъ фазисъ аналитической работы больного сознанія требуетъ и особенныхъ внѣшнихъ приѣмовъ для обозначенія представленій. Путемъ ложныхъ выводовъ больной начинаетъ созидать нѣчто, что уже складывается въ его сознаніи въ опредѣленномъ направленіи, концентрируется и въ этомъ видѣ проявляется въ письмѣ въ формулахъ, положеніяхъ и знакахъ символическаго характера. Этими, понятными только для него, знаками больной старается или скрыть отъ другихъ

¹⁾ Марсэ. Op. cit.

образъ своего мышленія, или фиксируетъ ими свое собственное представленіе, находя это болѣе совершеннымъ, чѣмъ обыкновенный способъ письменной рѣчи.

Съ этой точки зрѣнія на символизацію въ письмѣ должно подлежать критической оцѣнкѣ, что именно ею желаетъ выразить больной. Тамъ, гдѣ она носитъ лишь служебный характеръ, интеллектъ больного мы можемъ считать болѣе сохраненнымъ, чѣмъ въ случаяхъ, когда символизація возводится въ систему, какъ новый способъ письма. Нельзя, конечно, не отмѣтить и того, что образъ мышленія въ философскомъ или математическомъ направленіи объ абстрактныхъ предметахъ требуетъ самъ по себѣ символизаціи и это мы должны принимать во вниманіе, оцѣнивая интеллектъ больного въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Что касается основной природы символизаціи, то нѣкоторые, напр. Lombroso, проф. Мухинъ¹⁾ и др. считаютъ ее атавистическимъ явленіемъ, т. е. возвращеніемъ къ идеографическому способу письма нашихъ далекихъ предковъ. Рѣшить этотъ вопросъ затруднительно. Можетъ быть она въ иныхъ случаяхъ дѣйствительно является какъ влеченіе, въ другихъ же происходитъ вышеописаннымъ путемъ, въ основѣ котораго лежитъ особенность процесса формированія идей и утилитарныя потребности больного.

Такимъ образомъ своеобразныя особенности письма страдающихъ первичнымъ бредовымъ помѣшательствомъ дѣлаютъ ихъ письменныя произведенія настолько характерными, что служатъ наилучшимъ доказательствомъ, насколько болѣзненное состояніе отражается въ письменной рѣчи. Это касается и содержанія и внѣшности. Внѣшность, какъ мы видимъ, является настолько въ иныхъ случаяхъ характерной, что можетъ даже сдѣлать излишнимъ содержаніе, если не хотятъ строго квалифицировать форму паранойи, а ограничиваются лишь общимъ названіемъ бредового помѣшательства.

Все вышесказанное даетъ намъ основаніе заключить, что письма параноиковъ могутъ служить пособіемъ для

¹⁾ Н. И. Мухинъ, Атавизмъ въ письмѣ. Арх. псих. 1890.

психическаго анализа больной личности, могутъ дать возможность діагносцировать страданіе и точнѣе опредѣлить его форму, а также по нимъ мы можемъ лучше слѣдить въ теченіи болѣзни за деталями критической картины, постепенной трансформации личности и наступающими признаками слабоумія.

Въ дальнѣйшемъ мы постараемся ознакомиться съ формами письменной рѣчи больныхъ, приближающихся по своимъ произведеніямъ къ параноіѣ.

Письмо „графомановъ“.

Вслѣдъ за параноическимъ письмомъ мы рассмотримъ письмо „графомановъ“.

Работами Lombroso, Moreau-de-Tours и др., а въ послѣднее время, но съ иной точки зрѣнія, проф. И. А. Сикорскимъ, было выдвинуто ученіе о такъ называемой „графоманіи“, или болѣзненномъ влеченіи къ писанію сочиненій. Это рѣдкая и интересная форма заболѣванія, носящая въ себѣ слѣды импульсивнаго помѣшательства, относится нѣкоторыми къ параноической формѣ—*paranoia impulsiva*. Дѣйствительно, въ основѣ этой болѣзни всегда лежитъ психопатическая наслѣдственность, а отмѣчаемая внѣшнія особенности письма графомановъ соотвѣтствуютъ особенностямъ письма параноиковъ. Lombroso говоритъ, что графоманы своими качествами проявляютъ всѣ болѣзненные свойства геніальныхъ людей, не обладая, однако, ни критическими свойствами, ни творчествомъ генія. Характеризуя особенности письма при графоманіи, проф. П. И. Ковалевскій указываетъ, что „отличительными чертами такихъ людей служатъ—преувеличенное о себѣ мнѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ исключительная имъ свойственная особенность—высказывать свои убѣжденія больше на бумагѣ, чѣмъ на словахъ или на дѣлѣ, нисколько не смущаясь тѣми невзгодами и препятствіями, которыя на каждомъ шагу встрѣчаются въ ихъ практической дѣятельности. Людская брань, критика, осмѣяніе, даже клевета не охлаждають ихъ писа-

тельскаго пыла, а еще больше распалаяютъ его. Ненормальность произведеній такихъ людей не всегда легко замѣтить, если-бы при всей кажущейся серьезности и увлеченіи данной идеей, къ сочиненіямъ ихъ не примѣшивалось за частую множество нелѣпыхъ выводовъ, постоянныхъ противорѣчій, многословія, бессмысленной мелочности и главнымъ образомъ самообожанія и тщеславія“. Нужно замѣтить, читаемъ далѣе, что графоманы сплошь и рядомъ въ своихъ сочиненіяхъ проводятъ чужія идеи, дѣлаютъ позаимствованія, обыкновенно съ передѣлкой на свой ладъ и съ собственными исправленіями и дополненіями. Ненормальность умственныхъ способностей графомановъ, говоритъ проф. П. И. К о в а л е в с к і й, проявляется не столько въ преувеличеніи той или другой идеи, сколько въ непослѣдовательности, постоянныхъ противорѣчійхъ,—такъ что рядомъ съ возвышенными, иногда прекрасно изложенными взглядами, встрѣчаются сужденія жалкія, нелѣпыя, парадоксальныя, противорѣчащія основному плану сочиненія и соціальному положенію автора. Чтобы скрыть убожество своихъ мыслей и отсутствіе таланта, графоманы прибѣгаютъ къ вопросительнымъ знакамъ восклицательнымъ знакамъ, подчеркиваютъ слова и придумываютъ новыя выраженія; часто ихъ рукописи испещрены горизонтальными и вертикальными строками и надписями,—нерѣдко также у нихъ встрѣчаются рисунки, точно для большей ясности авторъ находитъ необходимымъ прибѣгнуть къ древнему идеографическому письму. Всѣ графоманы употребляютъ чрезвычайно курьезныя и длинныя заглавія для своихъ сочиненій, у многихъ изъ нихъ является фантазія прибавить къ фразамъ отдѣльныя цифры и цѣлыя ряды ихъ. Любятъ они также повторять одни и тѣ же изрѣченія или отдѣльныя фразы и слова по нѣсколько разъ на страницѣ. Случается, что нѣкоторые изъ нихъ заказываютъ для своихъ сочиненій особеннаго формата бумагу, особеннаго цвѣта и качества. Часто они употребляютъ своеобразную орфографію и каллиграфію со множествомъ подчеркнутыхъ словъ, нѣкоторые изъ нихъ пишутъ печатными буквами, другіе чуждымъ алфавитомъ, еще нѣкоторые составляютъ новыя буквы. Иногда они пишутъ въ два столбца даже обыкновенныя

письма, строки располагаютъ вдоль, поперекъ и наискось; въ словахъ они подчеркиваютъ нѣкоторыя буквы, какъ-бы отдавая имъ предпочтеніе, или же всегда пишутъ ихъ большими буквами. Періоды ихъ письма иногда отдѣлены другъ отъ друга на подобіе параграфовъ библии или же каждыя два три слова перемежаются многоточіями. Многіе графомоны блещутъ цвѣтистой рѣчью, фигуральными выраженіями и игрою словъ, основанной на созвучіи. Не менѣе курьезной особенностью является обиліе ихъ сочиненій. Въ виду того, что сочиненія ихъ ни кѣмъ не покупаются и не читаются они всѣми способами ихъ распространяютъ, не только даромъ разсылая, но просто навязывая; другой разъ они очень боятся распространять свои сочиненія, раздаютъ ихъ подъ секретомъ, хотя очень желаютъ, чтобы публика была оповѣщена объ ихъ открытіяхъ. Кромѣ болѣзненной болтливости въ этихъ сочиненіяхъ замѣтно еще ничтожество и нелѣпость содержанія, обыкновенно нисколько не соответствующаго ни общественному положенію, ни образованію автора. Такъ люди, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о медицинѣ, пишутъ ученые трактаты о способахъ леченія тѣхъ или другихъ болѣзней, полные невѣжды—разсуждаютъ объ астрономіи и философскихъ вопросахъ. Содержаніями ихъ сочиненій служитъ всякая тема, даже совершенно незнакомая, но предпочтеніе они отдали темнымъ и неразрѣшеннымъ вопросамъ. Высказываемыя въ произведеніяхъ графомановъ убѣжденія не отличаются страстностью и насколько они бывають велерѣчивы въ письменной рѣчи, настолько же они сдержаны и осторожны въ устныхъ сообщеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они предпочитаютъ не лично писать свои произведенія, а диктовать, при чемъ обыкновенно упиваются совершенствомъ своихъ твореній¹⁾.

Указанная характеристика убѣждаетъ насъ, какъ дѣйствительно много общаго въ произведеніяхъ графомановъ съ произведеніями параноиковъ.

¹⁾ П. И. Ковалевскій. Психіатрія. 1890.

Наша русская литература далеко не свободна отъ явленій графоманіи. Профессоръ И. А. Сикорскій¹⁾, имѣя въ своемъ распоряженіи чрезвычайно цѣнную коллекцію литературныхъ произведеній, относящихся внѣ всякаго сомнѣнія къ области психопатологіи, на основаніи своего матеріала устанавливаетъ даже особую клиническую форму, названную имъ *Idiophrenia paranoïdes*. Какъ содержаніе, такъ и внѣшнія особенности произведеній графомановъ носятъ въ себѣ черты настолько ясныя и опредѣленныя душевныхъ аномалій, что побуждаютъ насъ воспользоваться матеріаломъ уже опубликованнымъ профессоромъ Сикорскимъ, тѣмъ болѣе если принять во вниманіе, что большинство этихъ произведеній принадлежатъ исключительно русскимъ авторамъ. Нѣкоторыми произведеніями мы имѣли возможность воспользоваться въ оригиналѣ. Всѣ они по нашему мнѣнію носятъ въ себѣ черты того, что указывалось нами при характеристикѣ страдающихъ болѣзненнымъ влеченіемъ къ письму, т. е. графоманіей. Профессоромъ И. А. Сикорскимъ описаны авторы Тибо-Бриньоль, І. И. Пашковъ, Н. Симоновичъ, Платонъ Лукашевичъ, Д. Мартыновъ, П. Ледневъ, Еремія Малыи.

Мы приведемъ заглавія сочиненій П. Лукашевича и образчики содержанія нѣкоторыхъ его работъ.

Платонъ Лукашевичъ, помѣщикъ Полтавской губерніи, человѣкъ матеріально обеспеченный, получившій филологическое образованіе, литературной дѣятельностью занимался около сорока лѣтъ, такъ какъ первое его произведеніе было напечатано въ 1845 году, а послѣднее въ 1885. Онъ скончался всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ²⁾.

¹⁾ Проф. И. А. Сикорскій. Русская психіатрическая литература, какъ матеріалъ для установленія новой клинической формы—*Idiophrenia paranoïdes*. *Вопр. нервн.-псих. мед.* 1902 г.

²⁾ Проф. И. А. Сикорскій. *Op. cit.*

Изъ его произведеній извѣстны слѣдующія:

1. Чароматіе, или священный языкъ паговъ волхвовъ и жрецовъ, открытый Платономъ Лукашевичемъ съ прибавленіемъ обращенныхъ имъ же въ прямую истость, чаромути и чарной истоти языковъ русскаго и другихъ славянскихъ и части Латинскаго. Петръгородъ. 1846 г. in 4°, 404 страницы.

2. Примѣръ всесвѣтнаго славянскаго чароматія въ словѣ мужъ. Кіевъ—1850 г.

3. Ключъ къ познанію на всѣхъ языкахъ міра прямыхъ значеній въ названіяхъ числительныхъ именъ перваго десятка, на основаніи всесвѣтнаго славянскаго чаромутія, откр. и состав. Платонъ Лукашевичъ. Кіевъ. 1851 года.

4. Примѣръ всесвѣтнаго славянскаго чароматія астрономическихъ выкладокъ, съ присоединеніемъ объясненія обратнаго чтенія названій буквъ алфавитовъ Греческаго и Коптскаго. Сочиненіе Платона Лукашевича. Москва 1855 г. in 4°, 143 страницы.

5. Объясненіе Ассирійскихъ именъ. Сочиненіе Платона Лукашевича. Кіевъ. Университетская типографія 1868 г. in 4°, 252 стр.

6. Корнесловъ Латинскаго языка, составленный Платономъ Лукашевичемъ. Кіевъ. 1871 г. in 4° 922 стр.

7. Мнѣній индогерманскій міръ или истинное начало и образованіе языковъ: Нѣмецкаго, Англійскаго, Французскаго и другихъ Западно-Европейскихъ. Составленъ Платономъ Лукашевичемъ 1873 г. in 2°, 610 страницъ.

8. Корнесловъ Еврейскаго языка, составленный Платономъ Лукашевичемъ 1882 г. in 4°, 326 страницъ.

9. Изслѣдованіе о великомъ годѣ солнца и его числовидномъ годѣ на основаніяхъ естественной Астрономіи съ предварительнымъ вступленіемъ къ наблюдательно-микроскопической астрономіи и съ примѣрами вычисленій планетъ на такихъ же основаніяхъ и по девятиричному естественному счету: Составилъ Платонъ Лукашевичъ. 1882 г. in 4°, 105 страницъ.

10. Изложеніе Главныхъ Законовъ Естественной и наблюдательной микроскопической Астрономіи, а также астрономической метеорологіи, выведенныхъ изъ вычисленій числови-

довъ или формуль силы свѣтовъ небесныхъ тѣлъ, ихъ естественныхъ подраздѣлений „мѣръ времени, протяженій и теплотвора, проявляющагося на поверхностяхъ сихъ тѣлъ, вслѣдствіе большей или меньшей ихъ быстроты ихъ двиговъ, а также на основаніи выкладокъ по естественному, иначе девятиричному счету“. Составилъ Платонъ Лукашевичъ. Часть 1 и 2. 1883 г. in 4° 783 стр.

Въ своемъ первомъ сочиненіи, носящемъ названіе „чаромутіе“ или „чаромантіе“, Платонъ Лукашевичъ старается доказать, что всѣ языки произошли изъ языка славянскаго.

«Прежде нежели объясню свѣту, говоритъ онъ, что такое есть чаромутіе, я долженъ замѣтить хотя мимоходомъ и опущая многое, что нашъ языкъ Славянскій есть языкъ первобытнаго міра, древности незапамятной... Отъ сотворенія міра родъ человѣческій имѣлъ одинъ всеобщій языкъ Славянскій. Господь смирилъ гордость человѣка смѣшеніемъ языковъ. Сіе смѣшеніе есть чаромутіе. Чаромутіе и речомутіе. Языческіе жрецы и главы народа, желая приписать себѣ славу изобрѣтенія буквъ также были основателями новыхъ царствъ и языковъ сократили первобытную азбуку и, по поущенію и волѣ Создателя, установили ее читать слѣдующимъ образомъ: 1. Каждую букву или пруву должно было такъ точно выговаривать какъ она есть. 2. Писать ими слова Первобытнаго языка отъ правой руки къ лѣвой, а читать за исключеніемъ окончаній оныхъ, отъ лѣвой къ правой и наоборотъ. Такимъ образомъ можно было и говорить. Напримѣръ, писалось муча напяча, а выговаривалось чума, японча,—это есть чаромуть: (чера—буква и мутить—измѣнять—видѣ, потемнять); 3. Когда слово Первобытнаго языка писалось нововымышленными чарами и читалось не въ обратномъ порядкѣ, тогда оно должно было произноситься не по прежнему выговору, а совершенно сообразно чарнымъ звукамъ. Напримѣръ писали: звѣревый, страждѣ—а выговаривали по чарамъ свирѣный, страсть: это есть чарная истоть: а прямая, или собственная истоть есть каждое слово Первобытнаго языка сообразно его выговору произносимое.

Чаромутные языки занимають по мнѣнію Лукашевича огромнѣйшее пространство земного шара и раздѣляются на слѣдующія вѣтви: Славянскую, Славянско-Калмыцкую или Монгольскую, Славяно-Японо-Китайскую, Славяно-Африканскую и Славяно-Американскую.

II. Лукашевичъ случайно открылъ, какъ говоритъ, эту чаромуть. „Я уже зналъ, говоритъ онъ, изъ нѣкоторыхъ словъ, что Этруски были Славяне и читали одну строчку такъ, какъ мы, а другую въ обратномъ порядкѣ. Прочитавъ на семъ основаніи имя Глѣбъ, получилъ бѣглы; удовольствіе мое было неизъяснимо... Однажды любознание заставило меня взглянуть на греческій алфавитъ: невозможно было выразить моего удивленія и восторга: казалось алфавитъ самъ сказалъ. О, хвала тебѣ Мага слѣда!.. Я призналъ тогда Финикіянь Славянами... На послѣдокъ, развернувъ словари языковъ греческаго и латинскаго удостовѣрился, что они состоятъ изъ смѣшенія Славянской чаромути съ чарной Славянской же истотью. Тогда возблагодарилъ я Творца, что столь неожиданно и рѣшительно вновь благоудно было Ему пояснить прежнія Судьбы рода человѣческаго, а конечно и будущія.

Ложная посылка, допущенная П. Лукашевичемъ, повела его къ цѣлому ряду выводовъ абсурднаго характера, не замѣченныхъ, благодаря пониженію интеллекта самого автора. Свою идею о происхожденіи языка Лукашевичъ пытается приложить къ цѣлому ряду наукъ мало ему извѣстныхъ, естествознанію, астрономіи, математикѣ, къ фізіологіи и пр. О своихъ историко-филологическихъ разысканіяхъ Лукашевичъ такъ выражается: „чтобы дойти до нихъ требовалось принять столько трудовъ, смѣтливости и соображенія, какихъ никто никогда не подозрѣвалъ и никому въ умъ не приходило до сего времени; всякую попытку подобнаго рода считали за простой разгулъ воображенія и за недостатокъ здраваго смысла въ томъ писателѣ“.

Мы позволимъ себѣ привести еще отрывокъ изъ его печатнаго труда,—Объясненіе Ассирійскихъ именъ,—основаннаго на принципѣ открытаго имъ чаромутія.

Teutam (Діод. кн. 11, 22), Тевтамъ, царь Ассирійскій. 1-й слогъ: teu=дѣвъ, имя существ., муж. рода, имен. падежа, отъ него глаголъ: дѣвать, запрягивать; сбывать съ рукъ; дѣваться, скрываться изъ виду, уходить. 2-й слогъ tam=тамъ; таманъ, тамна, тамно, темный, ая, ое, по Иллирійски и Сербски; тама, тьма, темнота, по Сербски. Тамъ есть имя существ., жен. рода, множ. числа, родит. падежа, и въ послѣднемъ согласовано съ существительнымъ дѣвъ. Teutam=Дѣвъ-тамъ, губитель, разогнатель тьмы, мрака, и имѣеть тотъ смыслъ, что государь есть врагъ, гонитель невѣжества и всякихъ тайныхъ, сокрытыхъ замысловъ и злоумышлений. Діодоръ Сицилійскій свидѣтельствуетъ, что этотъ государь посылалъ подвластному своему князю Пріаму въ помощь войско, во время знаменитой крохотной войны Грековъ съ Троянцами. Priam=прямъ и есть имя существительное олицетворенное, муж. рода, означающее прямоту, нелживость, справедливость, прямодушіе.

Профессоръ И. А. Сикорскій отмѣчаетъ еще у Лукашевича стремленіе къ неологизму. Образчики вновь образованныхъ словъ, на примѣръ:

Орбита—облокругъ—облоходъ, горизонтъ—черъ, нуль—ничъ, система—совмѣста и т. д.

На оригинальной точкѣ зрѣнія стоитъ другой графоманъ Д. Мартыновъ, педагогъ по специальности, написавшій нѣсколько небольшихъ брошюръ педагогическаго характера и одну крупную работу подъ заглавіемъ „Раскрытіе тайнъ языка человѣческаго и обличеніе несостоятельности ученаго языкознанія“. Съ точки зрѣнія Мартынова вся психологія человѣчества сводится не болѣе не менѣе какъ къ процессу ѣды, а потому отъ словъ „ѣсть“, „ѣда“ Мартыновъ производитъ всѣ понятія, касающіяся какъ физическаго міра, такъ и нравственной жизни человека. Образчики подобнаго словопроизводства мы позволимъ себѣ произвести: сладость—отъ съядость, т. е. что яжо, съѣдобно, яжо созерцать—отъ зырить,=жирить=жрать; эстетика=ѣстетика—отъ слова ѣда; идея—отъ ядь=ѣда; адмиральскій часъ=ѣсти=ѣдъмери часъ и т. д.

Свою теорію Мартыновъ ставитъ чрезвычайно высоко, заявляя: „объявляю новую, единственную заповѣдь

языкознанія, копируя по мнѣнію И. А. Сикорскаго фразу Христа,—„заповѣдь новую даю вамъ“. Маніакальное состояніе автора сказывается и въ слѣдующей фразѣ, понять которую однако является затруднительнымъ: „ты, людъ, поймешь меня, что ты людъ—люсь—люць—ць!, ць!, ць!“.

«И поймутъ меня всѣ языки земли, вся языки, всѣ ящики (ѣдуны)—яцы—яци, цѣи, цѣи=ць! ць! ць! ибо этимъ вы живы, вы—есьте, вы—ѣсте, —вы—ѣцте, вы—ѣцете, вы ѣци, вы цѣи, вы—цѣи, вы ци, вы: ць! ць! ць!».

Мы приводимъ еще на слѣдующей страницѣ два образчика заглавныхъ листовъ, или обложекъ сочиненій, краснорѣчиво говорящіе за психопатическое состояніе ихъ авторовъ и достаточно убѣждающіе насъ въ справедливости указаній, что графоманы склонны къ составленію чрезвычайно длинныхъ заглавій своихъ произведеній.

Анализъ подобныхъ произведеній позволилъ профессору И. А. Сикорскому найти въ нихъ общіе признаки, указывающіе на психопатическую натуру авторовъ. Такими признаками являются: идеи величія, преслѣдованія, симптомы своеобразной дементности, своеобразность умственного склада и особенности въ поступкахъ и дѣйствіяхъ. Дементность подобныхъ лицъ, которую французы называютъ „симплицизмомъ“, носитъ на себѣ отпечатокъ умственной шаблонности и простоватости, стремленіе ума видѣть упрощенными и несложными тѣ предметы и отношенія, которыя въ дѣйствительности всегда болѣе или менѣе сложны и таковыми представляются уму обыкновеннаго и здороваго человѣка. „Своеобразность умственного склада сказывается въ формальномъ или символическомъ мышленіи взаимнаго мышленія объективнаго; что же касается поступковъ и дѣйствій подобныхъ лицъ, то въ нихъ замѣчается двойственность: съ одной стороны они находятся всецѣло подъ влияніемъ болѣзненныхъ мыслей, а съ другой легко подчиняются окружающимъ обстоятельствамъ и людямъ“.

Сопоставляя указанные особенности письма этихъ авторовъ съ тѣмъ, что мы извлекли изъ анализа письма пара-

ДВАДЦАТЬ ЗАЯВЛЕНІЙ

и

конспектъ давно написанной теоріи о причинѣ холеры
и всѣхъ ея явленій.

Эти заявленія намѣревался я представить на третьемъ Съѣздѣ Естествоиспытателей въ Кіевѣ, но по несочувствію ученыхъ къ новымъ воззрѣніямъ въ дѣлѣ науки, я ограничился заявленіемъ только моей теоріи объ электричествѣ основанной на законахъ механики и исложеніемъ нѣсколькихъ разнохарактерныхъ явленій природы въ подтвержденіе основательности такой теоріи.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Факты науки предлагаемые на диспутъ.

ЗАЯВЛЕННЫЕ

въ Тульскихъ губернскихъ ведомостяхъ уже въ 1863 году.

Петръ Шибо-Бриньоль.

Обращаю вниманіе

читателя на слѣдующее заявленіе.

Я откажусь отъ всѣхъ моихъ трудовъ, если кто представитъ хотя одно опроверженіе положеній моей теоріи о міровомъ двигателѣ и примѣненія ея къ изслѣдованію причины отдѣльныхъ явленій природы въ связныхъ образахъ ея проявленій.

ОРЕЛЪ.

Печатано въ типографіи И. Чичикаслова.

1873.

ERNTE-WEIN-& NACHLESE

*des grossen Kunst- und Wissenschaftsherbstes
Europa's (doch auch Off. 14, 14. ff.)*

von ganz anderem Gesichtspunkt

(sieh, ob nicht doch der einzig wahr!)

Vergessenes, Miss und Verachtetes,
weniger „Gewünschtes“ als „Geschmähtes“,

ein Herzbüchlein für Einsame

(doch auch, wenn sie wollten, Handbüchlein für Vorleser
an Univeritäten)

vom

Bewusten

theologischen Philesohen des nich „Unbewussten“

Apq. 15 18.

Т. в. жатва и сборъ остатковъ сжатой полосы

**великой осени европейскаго искусства и евро-
пейской науки (но также и Апокал. 14, 14 и сл.).**

съ совершенно другой точки зрѣнія

(смотри, однако, не съ единственно-ли правильной!).

*Забытое, не привлекавшее вниманія и подвергавшееся
призрѣнню, не столько «желдеемое», сколько «осмѣиваемое»,
сердечная книжка для одинокихъ,*

(но если хотите и маленькое руководство для лекторовъ при университетахъ)

сочиненіе *Извъстанаго* (von Bsswunten)

теологическаго философа Не „Непознаваемаго“ (Unbewussten)

Apq. 15, 18.

ноиковъ, мы дѣйствительно находимъ параноическій оттѣнокъ ихъ произведеній, но въ то же время явно выступаетъ и явленіе тупоумія. Проф. И. А. Сикорскій указываетъ, что подобныя болѣзненные формы, выражающіяся психопатическимъ состояніемъ письменной рѣчи занимаютъ промежуточное мѣсто между слабоуміемъ и паранойей и предлагаетъ для нихъ наименованіе *Idiophrenia paranoïdes*, что въ точномъ переводѣ обозначаетъ своеобразный умственный складъ, сходный съ помѣшательствомъ и напоминающій по своей внѣшности паранойю. Эти психозы представляютъ широкую область, на одномъ концѣ которой стоятъ нѣкоторые виды идиотіи, а на другомъ чистыя развитыя формы параноида. *Idiophrenia paranoïdes* заслуживаетъ гораздо большаго вниманія, чѣмъ то, которымъ она пользовалась до настоящаго времени, въ виду ея близкаго отношенія къ тѣмъ новымъ теченіямъ въ литературѣ и искусствѣ, которыя извѣстны подъ названіемъ символизма и декадентства, гдѣ здравый смыслъ и психопатія какъ бы неуловимо соприкасаются и гдѣ должная оцѣнка можетъ быть произведена путемъ параллельнаго сопоставленія съ родственными имъ образцами, входящими уже въ область психіатріи.

Письмо при состояніи преждевременнаго слабоумія съ его разновидностями (по Краеріліп'у).

Вопросъ о, такъ называемомъ, преждевременномъ слабоуміи (*dementia praecox*), объ кататоническомъ, гебефреническомъ помѣшательствѣ и параноидномъ слабоуміи (*dementia paranoidea*) можно въ настоящее время считать однимъ изъ запутанныхъ вопросовъ психіатріи.

Существуютъ разнорѣчивыя мнѣнія относительно самостоятельности указанныхъ формъ. Есть взгляды, по которымъ кататоническое, гебефреническое помѣшательство и параноидное слабоуміе, являются лишь разновидностями одного состоянія, а именно преждевременнаго слабоумія.

Такого взгляда, напримѣръ, держится проф. Е. Краеріліп, и если мы при анализѣ письма душевно-больныхъ выдѣлили особую группу въ духѣ Краеріліп'а, то не потому, что мы примыкаемъ къ его взглядамъ, а по другимъ побужденіямъ.

Вопросъ о письмѣ при вышеуказанныхъ формахъ является, насколько намъ извѣстно, только что начинающимся вопросомъ, но тѣмъ не менѣе находки, обретаемыя въ письмѣ, являются таковыми, что заставляютъ обратить и на нихъ вниманіе. Эти особенности письма наблюдаются у лицъ молодыхъ, при явленіяхъ пониженнаго интеллекта и плохой наследственности, при чемъ въ теченіи болѣзни существуютъ симптомы и кататоническаго и гебефреническаго помѣшательства и симптомы, напоминающіе собою параною.

Не имѣя желанія предрѣшать вопроса,— чему, собственно, принадлежатъ эти особенности, явленіямъ ли гебефреніи, кататоніи или особой формѣ параноіи съ явленіями рано наступающаго слабоумія, мы не рѣшились и обособлять ихъ строго, а потому и разсматриваемъ въ одной общей главѣ.

Дальнѣйшіе успѣхи психіатріи разрѣшаютъ вопросъ объ указанныхъ формахъ и тогда особенности письма найдутъ соотвѣтствующее себѣ мѣсто.

Попытки найти какіе либо объективные признаки указанныхъ состояній являются весьма понятными и чрезвычайно желательными, но врядъ-ли можно сказать, что въ настоящее время мы ими обладаемъ. По крайней мѣрѣ изслѣдованія физической организаціи больныхъ, сдѣланныя проф. Е. Краеріліи¹⁾, А. Н. Бернштейномъ²⁾, С. А. Сухановымъ и П. Б. Ганнушкинымъ³⁾ надъ состояніемъ рефлексовъ, величиной зрачковъ, мышечнымъ валикомъ, не дали намъ безусловно положительныхъ данныхъ.

Къ попыткамъ найти объективные признаки страданія нужно отнести и изслѣдованіе письма.

Указанія на особенности письма съ внѣшней стороны въ этомъ отношеніи мы находимъ у Кōster'a³⁾.

Онъ замѣчаетъ, что эти особенности письма могутъ служить для дифференціальной диагностики между параноіей и dementia paranoïdes, при чемъ при послѣдней выступаютъ признаки пониженія интеллекта, проявляющагося тѣмъ, что больной старается только украсить письмо примитивнымъ исковерканіемъ буквъ, дѣлая это то въ одномъ, то другомъ мѣстѣ письма, что особенно бросается въ глаза при сопоставленіи двухъ мѣстъ; въ дальнѣйшемъ письмо получаетъ какую то витіеватость въ росчеркахъ у буквъ, что является характерная черта гебефреніи, или повторяемость словъ безъ всякаго смысла и значенія—признакъ кататонической.

¹⁾ А. Н. Бернштейнъ. Матеріалы къ учению о клиническомъ значеніи мышечнаго валика у душевно-больныхъ. Москва, 1900 г.

²⁾ Д-ръ Ганнушкинъ и прив.-доц. Сухановъ. Къ вопросу о клиническомъ значеніи мышечнаго валика у душевно-больныхъ 1901 г. Клинич. Журналъ.

³⁾ Kōster. Die Schritt bei Gesteskrankheiten. 1903.

Какъ на особенность письма при *dementia paranoïdes*, заключающуюся въ образованіи новыхъ словъ, указываетъ Bianchini ¹⁾.

Что же касается содержанія письма, то оно является довольно безсвязнымъ, безсодержательнымъ, непослѣдовательнымъ, но въ то же время въ немъ можно обнаружить запасы свѣдѣній, существуетъ доля фантазіи, что исключаетъ врожденное слабоуміе. Сумма указанныхъ явленій придаетъ письму своеобразный отпечатокъ. Отличить его отъ письма параноика, даже перешедшаго въ слабоуміе, имѣется возможность при существованіи гебефреническихъ и кататоническихъ признаковъ, что у параноика не наблюдается.

Изъ имѣющагося въ нашемъ распоряженіи письменнаго матеріала мы приведемъ образчики письма подобныхъ больныхъ.

Больной А. 21 года поступаетъ въ Каз. Окр. Лечебницу во 2-й разъ. Первый разъ находился въ Лечеб. въ 1900 году съ діагнозомъ *Psych. juvenilis* и выписанъ въ улучшенномъ состояніи. Причина, побудившая помѣстить больного первый разъ въ Лечебницу, заключалась въ томъ, что больной, будучи ученикомъ семинаріи, сталъ мало успѣвать въ занятіяхъ, манкировалъ ими, не посѣщалъ учебное заведеніе, говоря, что отъ него не хорошо пахнетъ, а это неприятно другимъ,—перемѣнилъ отношеніе къ своимъ близкимъ, былъ неразговорчивъ, началъ выпивать и, вообще, по словамъ отца, сталъ проявлять какое то ребячество, непослушаніе, ничѣмъ не объяснимое. Онанизмъ больного отецъ отрицаетъ.

Во второй разъ больной поступилъ въ Лечебницу въ октябрѣ прошлаго года. По свѣдѣніямъ родныхъ, дома больной относился къ окружающему совершенно безучастно, ничѣмъ не занимался, былъ молчаливъ, временами страдалъ бессонницей; отказывался отъ пищи, ничѣмъ это не мотивируя.

Въ Лечебницѣ сторонится отъ окружающихъ, на вопросы отвѣчаетъ неохотно. Временами чему-то улыбается; говорить вяло, протяжно. Сидитъ часто неподвижно по долгу на одномъ мѣстѣ съ безучастнымъ выраженіемъ лица.

Въ январѣ мѣсяцѣ этого года, мы обратились съ просьбой къ больному, чтобы онъ намъ написалъ что либо о томъ, какъ онъ себя чувствуетъ, что съ нимъ было и пр., предоставивъ ему полную свободу дѣйствія.

¹⁾ M. L. Bianchini. Neologismi e scrittura nella demenza paranoide. *Giornal. di psichiatr. clinic.* 1903.

Онъ написалъ намъ четко и довольно красиво слѣдующее:

Я находился 25^о/_о ц. р. въ от-
дѣленіи международномъ царст-
вомъ рабомъ. Былъ долго рабомъ.
Служилъ плохо. Стоялъ на рас-
цѣнкѣ дорого. Служилъ расцѣнкѣ
рабомъ. Состоялъ на инквизиціи.

По поводу написаннаго больнымъ мы старались полу-
чить объясненія. Изъ отвѣтовъ можно было вывести, что
все написанное относится къ нему. Себя онъ почему-то счи-
таетъ „рабомъ“, „стоялъ на инквизиціи“—онъ, но ни кто
либо другой. Разнаго рода инквизиторства „кто-то“ произ-
водилъ надъ нимъ. Въ остальномъ до смысла написаннаго
добраться намъ не удалось. На вопросъ, что значать 20^о/_о
ц. р. онъ указалъ, что „ц.“ значить „цѣна“, а „р.“—„рас-
цѣнка“; что значить послѣднее,—не извѣстно.

Спустя два дня, мы снова обратились къ больному съ
просьбой написать намъ еще что либо.

Онъ написалъ намъ.

Дискредитство 25. Выигрышь 30.
Дѣлежь денегъ рублей 100000000.
Международность дѣлежка денегъ
75000000000. Стоимостъ растраты
денегъ 0. Расцѣнка=Расцѣнка. Цѣ-
на = цѣна. Равенство = равенство.

Съ просьбой вторично написать мы обратились къ
больному умышленно, желая прослѣдить, насколько идей-

ность содержания, тускло мелькавшая въ первомъ письмѣ, можетъ отразиться и во второмъ. Черезъ короткій же срокъ мы взяли второй образчикъ для того, чтобы не дать возможности идеи существенно видоизмѣниться. Въ нашемъ предположеніи о существованіи нѣкоторой идейности содержания мы не ошиблись,—и во второмъ письмѣ встрѣтили опять слово „цѣна“, „разцѣнка“, употребляемая больнымъ и въ первомъ. Изъ этого можно было заключить, что смыслъ перваго письма не забытъ больнымъ и врядъ ли онъ случайное явленіе, такъ какъ идейность содержания повторяется и во второмъ.

Обращаясь къ содержанію письма и пытаюсь выяснить его бесѣдой съ больнымъ, мы не можемъ, строго говоря, констатировать здѣсь какой либо стройности идей, подобно тому, какъ встрѣчаемъ это при паранойѣ; здѣсь существуетъ лишь склонность къ бредовой идеѣ, къ ея формулѣ, но все это своеобразно окрашивается элементами слабоумія. Больной видимо и самъ не отдаетъ себѣ строгаго отчета въ зависимости идей между собою, почему и не въ состояніи дать намъ толковыхъ объясненій. Дементность съ одной стороны и обрывки бредовыхъ идей съ другой встрѣчаются здѣсь въ извѣстномъ соотношеніи, которое дѣйствительно можетъ быть названо „параноиднымъ слабоуміемъ“. Клиническое наблюденіе за больнымъ указывало намъ на пониженіе его интеллекта, но письменная рѣчь, помимо этого, обнаружила еще нѣкоторую идейность, чего не слышно было въ рѣчи; однако, говорить о бредовой системѣ нѣтъ данныхъ,—можно лишь констатировать напоминающее паранойю, или параноидное, состояніе сознанія. Что же касается поведенія больного, то трудно рѣшить, насколько оно зависѣло отъ слабоумія и насколько отъ бреда. Судя по клинической картинѣ, больной скорѣе напоминалъ слабоумнаго, чѣмъ параноика съ вынужденнымъ поведеніемъ въ зависимости отъ бредовой идеи или галлюцинацій.

Вторая особенность письма, касающаяся какъ содержанія, такъ и внѣшности, наблюдаемая нами при этой же группѣ душевныхъ разстройствъ, заключалась въ стереопитномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же словъ. Это довольно

своеобразное явленіе, напоминающее собою какъ бы эхола-
лію въ рѣчи, демонстративно проявляется въ письмѣ въ
формѣ эхографіи, гдѣ слово или цифра, написанная боль-
нымъ, повторяется многократно, какъ звукъ въ горахъ.

Образчикъ такого рода имѣется въ нашемъ распоря-
женіи. Нужно при этомъ замѣтить, что мы воспользовались
лишь сотой долей того, что было написано больнымъ. Онъ
тщательно оберегалъ свое сокровище, состоящее изъ пачекъ
почтовыхъ листовъ и кусковъ газетъ исписаннымъ со
всѣхъ сторонъ словами:

хорошо хорошо
хорошо хорошо

Больной, которому принадлежитъ приведенный образчикъ,
находится въ Каз. Окр. Лечебницѣ съ 1897 года. Это 20
лѣтній юноша съ плохой наслѣдственностью. Отецъ его вы-
пиваль; въ роднѣ цѣлый рядъ апоплексій, нервность и разд-
ражительность.

Болѣзнь, проявилась года за 2 до поступленія въ боль-
ницу, при чемъ выступали обманы органовъ чувствъ слухового
характера, отказъ отъ пищи, подозрительность, идеи пре-
слѣдованія.

За все время пребыванія въ Лечебницѣ состояніе психи-
ческаго здоровья было довольно однообразно. Больной чрез-
вычайно мало обращаетъ вниманіе на окружающихъ, ничѣмъ
не интересуется, ничего не дѣлаетъ, ни съ кѣмъ почти не
бесѣдуетъ. На вопросы отвѣчаетъ неохотно, не впадѣть;

письменной рѣчи, мы встрѣчали, если можно такъ выразиться, своеобразную связанность мысли и прикованность больного къ опредѣленнымъ словамъ, къ опредѣленному стилю, отъ котораго онъ не въ состояніи отрѣшиться.

Приводимый образчикъ принадлежитъ больному, гимназисту VI класса, съ дурной послѣдовательностью, находящемуся еще въ настоящее время подъ нашимъ наблюденіемъ. Помимо пониженія интеллекта, у больного можно было обнаружить идеи бреда ипохондрическаго характера, связанность въ движеніяхъ, молчаливость,—есть основаніе думать, что у больного имѣются обманы органовъ чувствъ.

Я чувствую себя, какъ осел.
Оселъ и соловей.
Я хочу самъ познать
его. Я сержусь на
папу и на маму.
Я виноватъ. Желалъ
бы

При нашей просьбѣ написать что угодно, онъ долго обдумывалъ и не могъ выбрать темы для письма. Ему посоветовали написать какую либо басню, напр. „Оселъ и соловей“. Больной долго оставался неподвижнымъ и на вопросъ—какъ же онъ себя чувствуетъ—отвѣтилъ письменно первой фразой. Затѣмъ слѣдуетъ почему то заглавіе данной ему басни, а далѣе рядъ фразъ, начинающихся словомъ я, совершенно несвязанныхъ по своему смыслу.

Приведенный образчикъ можетъ указывать намъ, какъ не высокъ полетъ фантазіи больного, если принять во вниманіе, что у него, какъ гимназиста VI класса запасъ стихо-

твореній могъ бы быть достаточнымъ. Безсистемность изложенія, отсутствіе какой либо послѣдовательности можетъ указать намъ, что теченіе мыслей далеко не правильно, неустойчиво; въ поле сознанія вторгаются чуждыя по своему содержанію фразы (оселъ и соловей) и если что руководитъ больнымъ, то только желаніе начинать фразы словами „я“ и относить смыслъ фразы къ себѣ.

Что касается особенностей письма при гебефренической группѣ психозовъ, то лично нами особенно демонстративныхъ образчиковъ пока не удалось получить. Особенности эти заключающіяся въ росчеркахъ, бессмысленныхъ украшенійхъ буквъ, какъ признакъ пониженія интеллекта, встрѣчаются также и въ письмахъ съ dementia praecox (Köster). На особенность письма при гебефреническомъ помѣшательствѣ вскользь указываетъ и Krafft-Ebing ¹⁾. Онъ говоритъ въ своемъ учебникѣ: „Вѣроятно, на гебефрению надо смотрѣть вообще только, какъ на способъ проявленія юношескаго помѣшательства, развивающагося на почвѣ тяжелой наслѣдственности, и оттънокъ ребячества и комическая важность въ рѣчи, письмѣ и дѣйствіяхъ больныхъ объясняется какъ явленіе, находящееся въ связи въ той особенной біологической фазой, во время которой развивается юношеское помѣшательство“.

Что касается стереотипіи, то проф. Kraepelin ²⁾, отмѣчая наклонность больныхъ къ повторенію въ теченіи часовъ и даже дней однихъ и тѣхъ же, часто бессмысленныхъ, словъ и выраженій, указываетъ на подобное же явленіе и въ письмѣ.

Такимъ образомъ наиболѣе характернымъ явленіемъ въ письмахъ разбираемой группы нужно считать явленіе стереотипіи, выражающейся въ письмѣ въ формѣ повторенія однихъ и тѣхъ же словъ цифръ, или фразъ. Строгое обособленіе этихъ формъ на основаніи письма является пока преждевременнымъ, такъ какъ при формахъ, діагностируе-

¹⁾ Krafft-Ebing. Учебникъ психіатріи 1897, стр. 200.

²⁾ E. Kraepelin. Психіатрія. 1898.

мыхъ въ отдѣльности какъ кататонія, гебефренія и dementia paranoïdes, въ письмѣ могутъ наблюдаться особенности, присущія всѣмъ имъ, что можетъ быть и указываетъ до нѣкоторой степени на ихъ общность.

Но что лежитъ въ основѣ—кататонія ли Kalbaum'a, dementia praecox Kraepelin'a, или юношеская форма душевнаго разстройства, гебефренія Heschel-Kalbaum'a,—это можетъ показать намъ лишь будущее.

Письмо при прогрессивномъ параличѣ помѣшанныхъ.

Диагностическая важность письма прогрессивныхъ паралитиковъ была съ особенной настойчивостью выдвинута А. Erlenmeyer'омъ ¹⁾ въ 1879 году въ его работѣ о письмѣ, гдѣ письму паралитиковъ отведена особая глава.

Erlenmeyer, какъ мы уже знаемъ, классицируя болѣзненные уклоненія по внѣшнему виду письма, выдѣляетъ особый видъ аномалии,—„письмо паралитиковъ“ (die Schrift der Paralytiker), относя ее къ группѣ психическихъ разстройствъ. Эту общую группу, гдѣ страдаетъ соотношеніе буквъ между собою, что нарушаетъ правила грамматики, онъ предлагаетъ назвать „дисграмматографіями“, причисляя сюда аграфію, параграфію и упомянутое письмо паралитиковъ. Однако, онъ дѣлаетъ различіе между паралитическимъ письмомъ и двумя предыдущими видами. Аграфію и параграфію онъ называетъ сознательно вынужденной аномаліей, тогда какъ письмо прогрессивныхъ паралитиковъ считаетъ произвольно-безсознательной, когда больной не сознаетъ своей ошибки, но она можетъ быть имъ не сдѣлана, являясь, такъ сказать, случайно. Кромѣ того, въ письмѣ паралитиковъ являются характерными, но не безусловно необходимыми, разстройства механическаго характера,—атаксія и дрожь.

Все это вмѣстѣ взятое позволило Erlenmeyer'у обособить группу письма при прогрессивномъ параличѣ

¹⁾ A. Erlenmeyer. Die Schrift. 1879.

помѣшанныхъ и признать за ней высокую діагностическую важность.

Результаты наблюдений Erlenneuer'a въ той или иной степени вошли въ современные учебники психіатріи и почеркъ паралитиковъ сталъ разсматриваться на равнѣ съ другими объективными признаками страданія.

Нельзя, конечно, умолчать и о томъ, что вмѣстѣ съ поднявшимся значеніемъ письма въ медицинскомъ отношеніи выросло и его юридическое, судебно медицинское значеніе. Почеркъ паралитиковъ несравненно болѣе извѣстенъ юристамъ, чѣмъ письмо душевно-больныхъ при другихъ формахъ болѣзни. Это происходитъ во-первыхъ потому, что письмо паралитика, или даже подпись, сдѣланная имъ на документѣ, часто носитъ черты достаточно демонстративныя; кромѣ того экспертизы по поводу прогрессивнаго паралича относительно часты, какъ часта и сама болѣзнь, а къ тому же введеніе судебной психопатологіи въ курсъ подготовительныхъ наукъ для юристовъ заставляетъ и ихъ изучать особенности этого письма.

Мы сначала охарактеризуемъ письмо паралитиковъ такъ, какъ сдѣлалъ это Erlenneuer.

По его мнѣнію, паралитический почеркъ наблюдается только при разлитыхъ органическихъ заболѣваніяхъ коры головного мозга. Прототипомъ такого письма можетъ служить письмо страдающихъ прогрессивнымъ параличемъ помѣшанныхъ, которое пріобрѣтаетъ свойственныя ему особенности, благодаря невнимательности, душевной слабости и недостатку памяти по отношенію къ моментальнымъ впечатлѣніямъ.

Все это, являясь прямой функціей коры головного мозга, можетъ быть разстроено въ относительно ранній періодъ болѣзни. Характернымъ для этого періода болѣзни является уменьшеніе и увеличеніе въ числѣ письменныхъ знаковъ. т. е. пропуски и повторенія буквъ, замѣщеніе однихъ буквъ другими. Если обратить вниманіе больного на сдѣланный имъ пропускъ, то онъ, напрягая свои силы, можетъ исправить ошибку, чего, напр., страдающій органической параграфіей сдѣлать не въ состояніи.

Но кромѣ указанной аномаліи въ конструкціи словъ, почеркъ мало по малу пріобрѣтаетъ особенности и въ начертаніи буквъ, т. е. къ разстройствамъ психическаго характера присоединяются разстройства механическаго—треморъ и атаксія.

Ранѣе, еще до Erlenmeyer'a, высказывалось мнѣніе, что встрѣчающіяся особенности въ письмѣ паралитиковъ есть признакъ наступающаго послѣдняго періода болѣзни. Взглядъ этотъ можетъ быть оставленъ. На основаніи нашихъ наблюденій, мы не можемъ также къ нему присоединиться.

Признакъ механическаго разстройства скорѣе слѣдуетъ отнести къ послѣдующимъ за началомъ періодомъ, хотя и не безусловно, т. к. и эти особенности могутъ выступать то раньше, то позднѣе въ теченіи болѣзни. Наоборотъ, ошибки съ указаннымъ выше характеромъ вполне справедливо нужно считать, соглашаясь съ Erlenmeyer'омъ, однимъ изъ раннихъ признаковъ прогрессивнаго паралича.

Является, конечно, растяжимымъ, какую степень ошибокъ слѣдуетъ считать патогномоничной. Можетъ быть въ этомъ и лежитъ причина разногласій. Если относиться чрезвычайно внимательно къ лицамъ, заболѣвающимъ прогрессивнымъ параличемъ, а еще лучше, если удастся прослѣдить письмо за много времени до обнаруженнаго заболѣванія, какъ это намъ удалось сдѣлать, то заявленіе Erlenmeyer'a слѣдуетъ признать справедливымъ. Однако, мы рекомендовали бы обращать вниманіе не только на детали письменнаго образчика, но и на общее впечатлѣніе, которое оно производитъ по сравненію съ предыдущими образчиками.

Erlenmeyer указываетъ, напримѣръ, что такія мелочи, какъ пропуски знаковъ препинанія, знаковъ надъ буквами, поправки, сдѣланныя рукой больного, не должны быть опускаемы изъ вида. Не отрицая этого, мы добавимъ еще, что ошибки подобнаго рода могутъ какъ бы утопать въ общемъ характерѣ небрежности, невнимательности къ письму, и если послѣднее принимаетъ стаціонарную форму

въ цѣломъ рядѣ писемъ, а къ тому же прогрессируетъ, то невольно заставляетъ обратить на себя серьезное вниманіе. Подобное измѣненіе наглядно выступаетъ въ письмѣ, какъ это мы укажемъ въ имѣющемся у насъ образчикѣ, при сопоставленіи цѣлаго ихъ ряда за долгій періодъ жизни.

Что касается вопроса о томъ, какъ скоро къ дисграмматографіямъ присоединяются разстройства механическаго характера, то, судя по наблюденіямъ другихъ авторовъ и нашимъ собственнымъ, этотъ моментъ врядъ ли можетъ быть строго опредѣленъ.

Мы имѣли возможность наблюдать случаи прогрессивнаго паралича, гдѣ разстройство это наступало относительно рано, выражаясь сначала атактическими явленіями, къ которымъ присоединилась потомъ дрожь,—тогда какъ въ другихъ случаяхъ въ среднемъ стадіи болѣзни почеркъ сохранялъ еще должную корректность.

Кромѣ того слѣдуетъ также отмѣнить, что и tremor, и атаксія, и пропуски буквъ способны въ теченіи болѣзни къ колебаніямъ, то значительно улучшаясь, то ухудшаясь.

Другіе изслѣдователи, работавшіе по вопросу о письмѣ помѣшанныхъ, не расходятся во взглядахъ съ Erlensperger'омъ.

Christoph von Schroeder ¹⁾, касаясь письма прогрессивныхъ паралитиковъ указываетъ, что кромѣ пропусковъ у прогрессивныхъ паралитиковъ, наблюдаются удвоенія буквъ, что является, по его мнѣнію, особенно важнымъ.

По нашему мнѣнію, важность удвоеній, равносильна пропускамъ, если стоять на точкѣ зрѣнія ихъ зависимости отъ слабости вниманія и пониженія памяти больного. Въ первомъ случаѣ оптической образъ буквы очевидно возникаетъ настолько слабымъ, что не преодолеваетъ препятствія на пути къ графическому его выполненію, тогда какъ во второмъ—ослабленнымъ оказывается

¹⁾ Christoph von Schoeder. Op. cit.

двигательный образъ,—и только что испытанное ощущение легко забывается больнымъ. И въ томъ и другомъ случаѣ играетъ роль невнимательность больного, конечно до извѣстныхъ предѣловъ.

Кромѣ этого Christoph von Schroeder указываетъ, что къ числу тонкихъ измѣненій въ письмѣ паралитиковъ нужно отнести недостаточность или увеличеніе числа однообразныхъ частей буквъ, какъ напр., въ буквахъ „т“, „п“, гдѣ линіи, идущихъ въ одномъ направленіи, бываетъ или меньше или больше, чѣмъ слѣдуетъ. Почеркъ паралитиковъ, по мнѣнію этого автора, въ смыслѣ атаксіи напоминаетъ дѣтскій почеркъ. Сравненіе не лишнее основанія, хотя нельзя конечно смѣшать атаксію учащагося письму ребенка съ письмомъ паралитика; у человека, привыкшаго писать остовъ старой, такъ сказать, буквы мѣстами еще попадаетъ, если атаксія и присоединившійся треморъ не зашли слишкомъ далеко; въ послѣднемъ случаѣ письмо можетъ принять такой видъ, который далеко опередитъ атаксію ребенка.

Можно еще отмѣтить особенность письма паралитиковъ. Чтобы пополнить давленіемъ недостатокъ координаціи движенія, больные иногда сильнѣе надавливаютъ на перо всей кистью руки, отъ чего рука сильнѣе пронируется и линіи, идущія внизъ, помимо своей толщины, пріобрѣтаютъ выпуклость, обращенную въ лѣвую сторону отъ пишущаго (Christoph von Schroeder.). Кромѣ того, мы можемъ отмѣтить и еще особенность наблюдаемую нами въ глубокихъ степеняхъ паралитическаго слабоумія, вмѣстѣ съ явленіями атаксіи и tremor'a. Больной предоставленный самому себѣ, благодаря недостатку вниманія, забываетъ горизонтальное направленіе строкъ, а также не передвигаетъ кисть вправо, отчего получается „дугообразное письмо“.

Общая характеристика письма прогрессивныхъ паралитиковъ, въ томъ или иномъ видѣ, вошла въ каждый учебникъ психіатріи (П. И. Ковалевскій, Н. М. Поповъ, С. С. Корсаковъ, Крафтъ-Эбингъ, Шюле и пр.), а равнымъ образомъ и въ руковод-

ства по судебной психопатологии. Пользуясь довольно обширнымъ матеріаломъ письма прогрессивныхъ паралитиковъ въ различныхъ степеняхъ развитія болѣзни, мы должны были вывести заключеніе, что письмо паралитиковъ отличается крайнимъ разнообразіемъ. Въ иныхъ случаяхъ взятый у паралитика автографъ больного не открываетъ намъ существенно необходимыхъ чертъ для прогрессивнаго паралича, и только болѣе или менѣе продолжительное наблюденіе и многократное изслѣдованіе при различныхъ условіяхъ, а также общая оцѣнка письменнаго произведенія заставляютъ придти къ заключенію, что мы имѣли дѣло съ прогрессивнымъ параличемъ помѣшанныхъ.

Нашему анализу письмо паралитиковъ было подвергнуто какъ со стороны содержанія, такъ и внѣшности.

Что касается содержанія писемъ паралитиковъ, то въ нихъ рельефно отражаются, какъ грандіозныя, но бессистемныя бредовыя идеи, такъ и бѣдность идейнаго содержанія, если мы имѣемъ, такъ называемое, паралитическое слабоуміе.

Фантастичность, грандіозность и полное отсутствіе какой либо системы, позволяющія больному расширять кругъ своихъ идей далеко за предѣлы возможнаго, такъ характерно выступающія на фонѣ слабоумія въ рѣчи больного, естественно переносятся и на бумагу, но съ той лишь разницей, что непоследовательность и отсутствіе логики нагляднѣе проявляется въ письмѣ.

Какъ образчикъ письма больного съ идеями величія можетъ служить слѣдующій. По нашей просьбѣ больной описалъ намъ моментъ коронованія его на царство. Письмо съ внѣшней стороны носитъ характерныя черты прогрессивнаго паралича, что видно изъ приводимой далѣе истории болѣзни, но благодаря малой разборчивости письма мы воспользовались лишь его содержаніемъ, а не внѣшностью.

«Въ одинъ изъ дней, въ который я былъ въ пневматическомъ отдѣленіи, то когда всѣ умерли онъ заперъ сек-

ротно и позвалъ доктора Ц. и велѣлъ завязать въ бумажку икону Иверской Божіей Матери и картину Каира и положить на стулъ. И вотъ І. Х. когда еще не былъ на меня сердитъ велѣлъ мнѣ полетѣть на верхъ по воздуху. Я не А-тъ, а Императоръ «Молье», рядомъ съ Петербургомъ, жена моя красавица Императрица. Теперь мнѣ 60 лѣтъ. Фрелина Императрицы, великая княгиня, ея Сіятельство тоже жена, но посторонняя у меня во дворцѣ 200 комнатъ. Богъ мнѣ даетъ духовную пищу, а стулъ у меня изъ брилліантовъ. Мой мундиръ тоже весь брилліантовый. У меня всѣ ленты, которыхъ кромѣ меня ни у кого нѣтъ я служилъ 844 года и пережилъ всѣхъ государей, у меня 10,00000 состоянія»—и т. д.

Больной, благодаря весьма подвижнымъ идеямъ величія, лишь началъ, какъ видно изъ письма, описаніе своего коронованія, но увлекся и непослѣдовательно сообщалъ о своихъ знакахъ отличія. Орфографія письма нами нѣсколько исправлена.

Больной А. 42 лѣтъ, мѣшанинъ, статскій совѣтникъ, начальникъ технического училища, съ высшимъ образованіемъ, поступилъ въ Лечебницу въ апрѣлѣ 1903 года.

Болезнь проявилась легкой утомляемостью, слабостью памяти, соображенія съ годъ тому назадъ. На приѣмѣ больной не могъ сообщить ни дня, ни числа; говоритъ, что въ Казань онъ пріѣхалъ покупать цвѣты и вообще развлекаться, хотя чувствуетъ себя, правда, немного и нездоровымъ.

Въ отдѣленіи проявляетъ нѣсколько повышенное настроеніе, благодушенъ; временами волнуется, говоря, что у него «задѣлано» горло и онъ не можетъ ѣсть; иногда задерживаетъ мочу, такъ какъ и пузырь задѣланъ. Сообщаетъ объ этомъ довольно добродушно. Утверждаетъ, что въ немъ 43 пуда, что у него денегъ миллионъ, онъ министръ; пишетъ письма Государю и пр.

Высказываетъ ипохондрическія идеи, но легко отвлекается отъ нихъ. Память, соображеніе, вниманіе очень слабы.

Физически отмѣчается: скандированная, заплетающаяся рѣчь, спотыканіе на слогахъ, тупог въ языкѣ и губахъ, тупог въ рукахъ, легкія явленія атаксии въ рукахъ, нера-

венство зрачковъ, вялая ихъ реакція; нѣкоторое повышеііе конечныхъ рефлексовъ.

Письма по своему содержанію при прогрессивномъ параличѣ могутъ быть чрезвычайно разнообразны, но общій характеръ дементности, хотя бы въ нихъ выражались идеи величія, ипохондрическія идеи, идеи отрицанія, всегда позволяетъ отличить ихъ отъ писемъ параноиковъ. Этому помогаетъ намъ и внѣшній видъ писемъ, такъ какъ при деменціи развившейся на почвѣ напр., паранойи мы не встрѣчаемъ характерныхъ признаковъ паралитическаго письма.

Труднѣе бываетъ отличить письмо при дементной формѣ прогрессивнаго паралича отъ вторичнаго слабоумія, а въ особенности тогда, когда внѣшнія особенности письма не говорятъ намъ ясно за прогрессивный параличъ.

Такое совпаденіе возможно, хотя бы и временное, т. е. явленія слабоумія идутъ быстрѣе, чѣмъ двигательныя разстройства, а кромѣ того больной скорѣе пропускаетъ въ письмѣ цѣлыя слова, чѣмъ буквы въ словѣ, отчего теряется лишь смыслъ фразы, но не страдаетъ само слово.

Мы имѣли возможность просмотрѣть рядъ письма больного, два изъ которыхъ приводимъ съ точнымъ сохраненіемъ орфографіи, а кромѣ того помѣщаемъ и образчикъ письма, написаннаго больнымъ въ нашемъ присутствіи.

Не въ снѣгъ Богъ, а въ правдо.

*Я родился въ с. Новополеномѣ,
Саратовскаго уѣзда, Вятской губ.
Больше всего служилъ по Учили-
щамъ и мѣрикамъ.*

Больной Е. лѣтъ 30—35, податной инспекторъ, съ высшимъ образованіемъ, полученнымъ въ медицин. академіи и юридич. факультетѣ, поступилъ въ апрѣлѣ 1902 году. Болѣзнь явно

проявилась слабостью памяти и соображенія приблизительно съ февраля, когда онъ началъ путать въ бумагахъ. Больной пытался дѣлать безцѣльныя покупки, занималъ у постороннихъ лицъ деньги, дѣлалъ гнусныя предложенія женщинамъ и пр., но обо всемъ этомъ забывалъ. Былъ неопрятенъ, суетливъ. Предполагается въ анамнезѣ lues. При поступленіи въ Лечебницу отмѣчается: зрачки равномѣрны, но форма лѣваго зрачка неправильная; реакція зрачковъ—вялая; рефлексы повышены, чувствительность болевая повышена, остальные виды чувствительности, видимо, не разстроены; въ языкѣ и рукахъ легкій тремор.

Психически больной безтолковъ, плохо понимаетъ предлагаемые ему вопросы, безцѣльно подвиженъ, стучить въ двери, окна, обращается съ вопросами къ врачу и вскорѣ о томъ забываетъ. Соображеніе рѣзко ослаблено. Ясное сознаніе времени и мѣста отсутствуетъ. Повѣрили шуткѣ больныхъ, что ему пожалована звѣзда и тотчасъ же написалъ женѣ письмо, съ просьбой выслать ему звѣзду. Весьма слабо выраженная склонность къ идеямъ величія,—говоритъ, что онъ назначенъ старшимъ контролеромъ. Пишетъ письма женѣ однообразнаго содержанія.

Образчикомъ его письма можетъ служить слѣдующее съ сохраненной нами орфографіей.

Дорогая и милая Александра.

Пишу пятое письмо, ты должна получить мое письмо для того, чтобы ты при полномъ моемъ здоровьи должна пріѣхать взять меня изъ казанской Окружной Лечебницы, для поѣздки въ городъ Уфу, что подаііе прошенія къ господину управляющему уфимской казенной палаты. М. П. З-ну.

При этомъ я прошу тебя дорогая и милая Александра, если ты занята то поѣздкѣ въ казанскую окружную лечебницу должна передать свою обязанность Я. И. В.; при этомъ должна взять сюртукъ, жилетъ, сорочку съ запонками, обувь кольцо, часы, очки. Вмѣстѣ съ тѣмъ должна взять денегъ не только для собственной поѣздкѣ и обратно поѣздки изъ города Казани и для покупки въ Казани необходимыхъ вещей тебѣ и мнѣ. При этомъ я прошу тебя, до-

рогая Саша что выѣздъ сообщи мнѣ т. е. твоему супругу телеграммой на имя директора казанской окружной лечебницы.

Твой супругъ податной инспекторъ П. П. Е.

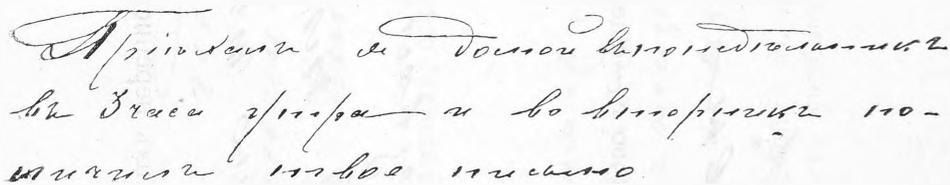
Слабоуміе больного еще рельефнѣе выступаетъ въ слѣдующимъ письмѣ, вѣрнѣе прошеніи, адресованномъ въ Губернское Правленіе, которому онъ считаетъ почему то необходимымъ сообщить о томъ, что ему необходимо купить. Больной, какъ видно изъ исторіи болѣзни, податной инспекторъ, а потому конечно былъ хорошо знакомъ съ формой дѣловыхъ бумагъ.

Казанскому Губернское Правленіе. Податному Инспектору П. П. Е. для поѣздки въ городъ Уфу для поданія прошенія господину управляющему Уфимской казенной палаты Его Высокопревосходительству Н. П. З. для поступленіе въ податные инспекторы по его опредѣленію на должность; для поѣздки въ казанское губернское казначейство я долженъ получить двѣ тысячи шесть сотъ рублей какаѣ сумма будетъ прислана обратно въ казанское губернское казначейство по полученіи жалованія съ канцелярскими и разъѣздными 3580 руб. Въ городѣ въ женской гимназіи я долженъ взять свою супругу А. А. Е. Для жизни съ ней. Въ казанскихъ магазинахъ я долженъ купить сюртукъ, обувь сорочку съ запонками часы серебряные отъ Климова (городской пассажъ) и очки въ золотой оправѣ. 10 ноября 1903 года. Податной Инспекторъ П. Е.

Какъ на особенность приводимыхъ образчиковъ можно указать, при сопоставленіи ихъ со внѣшнихъ образчикомъ письма, что явленія, характерныя для паралитическаго письма, въ смыслѣ пропусковъ буквъ, атаксіи и тремора, не выступаютъ вполне очевидно, — за то признаки слабоумія, сказывающіеся въ изложеніи написаннаго, довольно рельефны; кромѣ того замѣчаются пропуски цѣлыхъ словъ, отсутствіе знаковъ препинанія, какъ результатъ пониженія вниманія больного, постановка знаковъ препинанія тамъ, гдѣ не слѣдуетъ. Все это даетъ основаніе діагностировать прежде всего де-

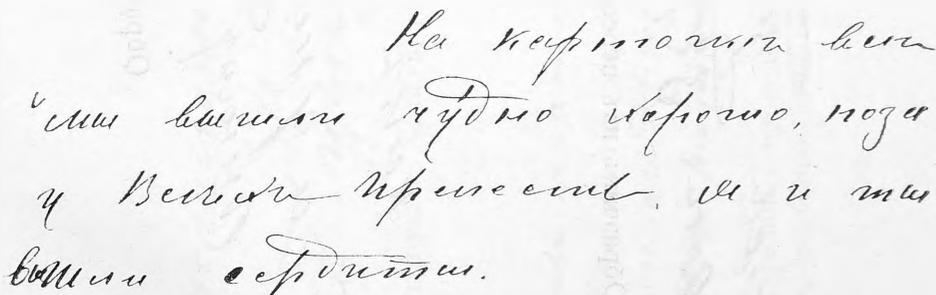
менцію. Что же касается происхожденія этой деменціи, то приходится предполагать паралитическую, на основаніи встрѣчающихся пропусковъ. Для точной постановки діагностики въ данномъ случаѣ существенно важнымъ могло бы явиться сравненіе цѣлаго ряда писемъ больного до его заболѣванія и во время; тогда бы мы могли дѣлать заключенія, что внѣшность почерка дѣйствительно не измѣнилась. Намъ приходилось наблюдать, что въ теченіи прогрессивнаго паралича мѣняется общій характеръ почерка, мѣняется отношеніе больного къ письменному акту, тогда какъ пропуски, атактичскія явленія и тремор могутъ выступать не особенно ясно.

Мы сопоставимъ здѣсь рядъ образчиковъ письма больного, котораго намъ лично приходилось наблюдать въ частной практикѣ, а затѣмъ и въ Лечебницѣ. Благодаря любезности жены больного, намъ была доставлена переписка за нѣсколько лѣтъ до заболѣванія въ огромномъ количествѣ; сюда входили личныя письма больного, переписка дѣловая, бухгалтерскія книги и пр. и мы воспользуемся ими хотя отчасти.

Пріимая и доброй воспоминаний
въ этомъ случаѣ и во вторникъ 110-
мичемъ новое письмо.

Образчикъ относится къ 1898 году,—ошибка сдѣлана лишь въ словѣ „получилъ“.

На картончикъ вы
шли вышло чудно хороше, тогда
у Вельдъ пріимать, и и ты
вышли острити.

Образчикъ относится къ 1899 г.,—письмо становится крупнѣе, небрежнѣе,—въ словѣ „вышли“, очевидно, было пропущено „вы“ и потомъ вставлено.

У насъ здѣсь все благополучно
и вотъ здоровы.

Образчикъ изъ переписки 1900 г.,—еще большая небрежность и поспѣшность.

Мезеней
Какая позвонили вѣрши,
а у насъ планъ въ носу
Скучу дню твою издана

Образчикъ изъ переписки 1901. Небрежность.

Въ прошломъ годѣ они велико
уважатъ, а нынѣшній годѣ только
таковой уважатъ стаетъ только,

Образчикъ 1902 г. Халиль, вмѣсто хвалиль, общій характеръ письма предыдущаго года.

Кони не кажутся арцешми "дефектом"
Не только бурманъ и въ чужахъ
Ади онъ дружитъ неужь и маковеніе
Ты раздѣлиши не шено разъ

Образчикъ написанъ въ лечебницѣ въ 1903 году. Слегка выраженная
атаксія, указанная нами особенность изгибовъ, идущихъ внизъ линій.

Окружающими ненормальность его умственных способностей было явно замѣчена приблизительно въ октябрѣ 1902 года, когда больной относительно остро и неожиданно сталъ проявлять уныніе по поводу фабричныхъ дѣлъ, высказывая опасеніе за свое состояніе. Причины къ этому совершенно никакой не было, такъ какъ дѣла шли хорошо. Уже потомъ, вспоминая съ женой о жизни ея мужа, можно было отмѣтить, что и ранѣе у него проявлялись рѣзкіе переходы въ настроеніи, головныя боли и что-то странное, но этому не придавали значенія. Въ годы 98—900 чего либо особеннаго въ немъ не наблюдалось, по крайней мѣрѣ онъ велъ дѣло хорошо. Въ августѣ 1902 года у него былъ обморокъ, длившійся нѣсколько минутъ, съ явленіями легкаго пареза правой половины тѣла. Пониженное настроеніе длилось до января 1903 года и перешло въ настроеніе повышенное съ приступами лихорадочной дѣятельности. Онъ строилъ разнаго рода машины, высказывалъ разные проэкты несбыточнаго свойства. Настроеніе было веселое, жизнерадостное; онъ сталъ сильно пить, дѣлалъ не нужныя покупки и пр. Въ его ненормальности не было уже никакихъ сомнѣній.

Приблизительно въ это время имъ было написано слѣдующее письмо, указывающее на возбужденіе больного.

Сергій Аннене
Придите сейчас
кѣ месту
кпрелмъ въ профермъ

Больного мы встрѣтили въ первый разъ въ іюль 1903 года въ состояніи повышеннаго настроенія, съ идеями грандіозности фантастическаго характера. Наряду съ этимъ наблюдалось рѣзкое пониженіе памяти, вниманія и сообразитель-

ности. Физически онъ жаловался на головныя боли, считая себя лишь нервнымъ больнымъ отъ переутомленія. Наблюдалось неравенство зрачковъ, вялая реакція на свѣтъ, рѣзкое повышеніе колѣнныхъ рефлексовъ, треморъ въ языкѣ, легкій треморъ въ рукахъ. Больной сообщилъ, что у него былъ сифилисъ въ 1895 году, онъ лечился нѣсколько разъ. Жена его здорова, имѣеть дѣтей, выкидышей не было.

Въ августѣ 1903 г. больной былъ помѣщенъ въ лечебницу, гдѣ находился до января 1904 года. Настроеніе рѣзко повышенное. Считаетъ себя—поэтомъ, пишетъ стихи, образчикъ которыхъ нами приведенъ. Въ декабрѣ сталъ нѣсколько спокойнѣе, легко подчиняется уговорамъ; былъ взятъ женою домой.

Пользуясь приведенными образчиками является интереснымъ выяснить—съ какого года можно считать письмо уже болѣзненнымъ. Сопоставленіе 98 и 99 годовъ, представляя возможность видѣть въ нихъ разницу, слишкомъ еще мало даетъ данныхъ трактовать второй образчикъ какъ болѣзненно измѣнившійся; можно лишь говорить о наклонности письма къ измѣненію. Сопоставляя образчики 98 г. и 900—901 г.г., разница выступаетъ нагляднѣе; при этомъ поражаютъ не столько ошибки и пропуски (ихъ было не много и въ остальной перепискѣ), но общій тонъ небрежности, невнимательности,—и на это мы должны обращать вниманіе при сопоставленіи.

Поэтому годы 900—901 г. можно считать скрытымъ періодомъ заболѣванія, еще смутно предчувствуемымъ больнымъ и совершенно незамѣтнымъ для окружающихъ. При прогрессивномъ параличѣ отъ начала заболѣванія, указываемаго родственниками, всегда приходится удаляться назадъ, и если начало указано намъ въ 1901 году, то за годъ, или даже нѣсколько болѣе, начало заболѣванія не дѣлается не вѣроятнымъ.

Въ двухъ другихъ случаяхъ прогрессивнаго паралича мы имѣли такъ же возможность ознакомиться съ многолѣтней перепиской больныхъ, но, по независящимъ отъ насъ причинамъ, не можемъ привести образчиковъ ихъ письма. Одинъ изъ этихъ больныхъ проявилъ аномалію въ

письмѣ относительно рано и, ссылаясь на слова его жены Е. Н. Т., она по письму, полученному отъ мужа, уже догадалась, что съ мужемъ что-то произошло, настолько это письмо не походило на обычные его письма. Больной этотъ, котораго мы лично имѣли возможность наблюдать до самой смерти, погибъ ранѣе, чѣмъ можно было ожидать, во время апоплектиформнаго припадка; за нѣсколько дней до смерти онъ написалъ намъ, образчикъ чего мы приводимъ ниже. Общее теченіе болѣзни у этого больного нужно считать съ 99 по 1903 годъ; особенности же въ письмѣ были обнаружены въ самомъ началѣ, т. е. въ 99 году, и состояли въ измѣненіи характера почерка, небрежности и пропускахъ буквъ. Способность писать сохранялась у больного долго, но физическія аномаліи въ письмѣ, рѣзко выраженная атаксія и тремогъ, значительно затрудняли разборчивость.

Во второмъ случаѣ съ рѣзко выраженными явленіями слабоумія (у больного имѣется и *tabes dorsalis*) заболѣваніе длится около 6—7 лѣтъ. Послѣдніе годы больной совершенно не пишетъ; аномаліи, вполне опредѣленно выраженные, можно было наблюдать въ 1889 году, при чемъ пропуски и перестановка буквъ выступали на первый планъ. Больной замѣчалъ ихъ и они его очень безпокоили. Онъ обращался къ намъ съ жалобами на неспособность писать. Явленія атаксії и тремог'а выступали тогда еще очень слабо; въ дальнѣйшемъ и они присоединились. Послѣ 3—4 мѣсячнаго состоянія маниакальнаго возбужденія съ явленіями спутанности, бывшей 2½ года тому назадъ, больной прогрессивно впадаетъ въ слабоуміе, довольно рѣзко выраженное въ настоящее время. Временами наступаютъ апоплектиформные и эпилептиформные припадки.

У того и другого больного въ анамнезѣ существуетъ *lues*.

Изслѣдуя прогрессивныхъ паралитиковъ на способность письма мы предлагали имъ писать самостоятельно, писать подъ диктовку и списывать съ книги.

Мы приведемъ нѣсколько образчиковъ аномалій письменной рѣчи прогрессивныхъ паралитиковъ, обращая вниманіе на внѣшнія особенности ихъ письма.

Больной Ш. 46 л., чиновникъ, поступилъ во 2-й разъ въ ноябрѣ 1903 года. Въ первый разъ находился въ Лечебницѣ года 2 тому назадъ съ диагнозомъ *neurastenia gravis* (?); холостъ, наслѣдственность неизвѣстна. Со времени выписки изъ Лечебницы состояніе здоровья не улучшилось, а напротивъ ухудшилось; послѣднее время съ нимъ бывали удары, одинъ изъ которыхъ былъ за 3 дня до поступления; рѣчь, до того разстроенная, послѣ этого значительно ухудшилась. Память значительно ослабѣла, ровно какъ и соображеніе.

На приѣмѣ свѣдѣній никакихъ сообщить не могъ, не знаетъ, куда приѣхалъ, рѣчь разстроена; вмѣсто однихъ буквъ произноситъ другія.

При наблюденіи за больнымъ въ отдѣленіи обнаружена нѣкоторая спутанность сознанія, подвижность, безцѣльная суетливость. Не знаетъ гдѣ и зачѣмъ находится, не знаетъ времени дня, мѣсяца, года. Рѣчь скандированная.

Физически обнаружено: парезъ лѣваго п. *facialis*, отклоненіе языка влѣво, расширение зрачковъ и вялая реакція на боль и аккомодацию. Не равномерное повышеніе рефлексовъ, сильнѣе слѣва; слабость лѣвой руки и ноги. Дрожь въ языкѣ, губахъ, слабо выраженная въ рукахъ.

Больному предложено что-либо написать на память:

*На надоминици
горозито лесив
банинни горозони*

Явно выступаютъ въ прилагаемомъ образчикѣ небрежность, поправки, повторенія и пропуски.

Предложено больному написать самостоятельно цифры отъ одного и далѣе:

1234566, 788911,
11 12 13 14 15 16
17 18 19 20 21 22
23 24 25 26 27 22

Больной какъ видно изъ образчика путаетъ въ цифрахъ такъ же, какъ и въ словахъ.

При письмѣ подъ диктовку характеръ повтореній и общій видъ письма остаются тѣми же, что и при самостоятельномъ письмѣ.

На то верь дуть
стоитъ остовитъ
офласто на на
ка голлошъ вершишка
ососна

Кромѣ того въ приводимыхъ образчикахъ мы наблюдаемъ и легкую степень атаксии, но треморъ почти не выраженъ.

Точно такія же характерныя особенности письма прогрессивнаго паралитика выражены въ слѣдующихъ примѣрахъ. Въ нихъ кромѣ того выступаютъ довольно ясно тремор и атаксія.

Больной К. 37 лѣтъ, помощникъ начальника станціи. Въ анамнезѣ отрицаніе lues'a, но явный алкоголизмъ; пьетъ лѣтъ 11, выпивая по $\frac{1}{2}$ б. въ день. Болѣзнь проявилась слабостью памяти, соображенія, раздражительностью, отсутствіемъ аппетита и безсонницей. Около году тому назадъ физически обнаруживается: неравенство зрачковъ и ихъ суженіе—лѣвый сильнѣе; вялая реакція зрачковъ на свѣтъ, боль и аккомодацию. Легкій ptosis лѣваго вѣка, лѣвая носогубная складка опущена. Въ языкѣ тремор, чувствительность сохранена на всѣ виды. Рефлексы колѣнные неравномѣрно повышены, слѣва сильнѣе. Артеріосклерозъ. Въ рукахъ тремор; рѣчь спотыкающаяся на слогахъ.

Психически за время пребыванія въ Лечебницѣ вялость памяти, соображенія, вниманія. Замедленіе процессовъ мышленія; полная безучастность къ окружающему. Кругъ интересовъ вертится около мѣста его службы. Временами бываетъ спутанъ.

Самостоятельно больной написалъ:

19 Верста Сирд. Дороги
Мамековой Выхнове
Е Благодарю
Анне Натоліоновна
Гже Карлевской

При письмѣ подѣ диктовку письмо исполнено лучше.

Миха украинского
ночь прѣзречна
звѣздн блещуща
свои дремоти

Во всѣхъ случаяхъ, когда нами изслѣдовалось письмо прогрессивныхъ паралитиковъ, мы производили изслѣдованіе въ указанныхъ трехъ направленіяхъ. Уже на основаніи приводимыхъ образчиковъ можно заключить, что аномаліи письменной рѣчи при прогрессивномъ параличѣ могутъ наблюдаться, какъ при списываніи, диктовкѣ, такъ и при самостоятельномъ письмѣ. Рѣзче это выступаетъ при самостоятельномъ письмѣ, гдѣ руководящимъ моментомъ является личное сознаніе больного. Нѣсколько лучше происходитъ письмо, когда вниманіе больного понуждается возбужденіями извнѣ въ формѣ слуховыхъ (при диктовкѣ) и зрительныхъ (при копированіи) впечатлѣній слова. Однако, и при существованіи этого письмо нельзя считать безупречнымъ. Чтобы получить вполне правильное письмо въ иныхъ случаяхъ прогрессивнаго паралича, правда не зашедшаго еще очень далеко, нужно руководить больнымъ, какъ ребенкомъ. Это доказываетъ, что письмо прогрессивнаго паралитика страдаетъ отъ причинъ психическаго характера, ослабленія вниманія памяти, но способность выполненія письма у него существуетъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи вполне справедливымъ можно считать замѣчаніе Erlenmeyer'a, что аномалія эта произвольно-безсознательнаго характера.

По мѣрѣ теченія прогрессиваго паралича разстройства въ письмѣ выступаютъ все рѣзче и рѣзче и, наконецъ, больной почти совершенно забываетъ, какъ должно писать, хотя

обрывки воспоминаній буквъ проскальзываютъ еще въ его письмѣ, однако даже напрягая свое вниманіе, онъ уже не въ состояніи выполнить письменнаго акта.

Прогрессивный параличъ, какъ показываетъ само названіе, имѣетъ склонность къ постепенному ухудшенію. Однако, нельзя отрицать и того, что страданіе это способно къ колебаніямъ. Колебанія въ состояніи здоровья отражаются и на письмѣ, и въ этомъ отношеніи по образчикамъ письма мы имѣемъ возможность слѣдить за состояніемъ здоровья больного, за его вниманіемъ, памятью, его тонкими двигательными разстройствами, можетъ быть лучше, чѣмъ путемъ одного наблюденія за поведеніемъ больного и пр.

Мы сопоставимъ здѣсь два образчика въ состояніи ухудшенія и улучшенія одного и того же больного.

Больной поступилъ въ 1900 году. Онъ священникъ 37 лѣтъ, кончилъ образованіе въ семинаріи, въ санѣ священника съ 1899 года. Былъ рукоположенъ въ священники уже больнымъ. Болѣзнь проявилась вялостью, апатіей, забывчивостью, высказывалъ идеи съ характеромъ преслѣдованія, былъ возбужденъ. Находился ранѣе въ больницѣ въ г. Тюменѣ. На пріемѣ: не знаетъ времени года и числа, съ трудомъ сказалъ, что пріѣхалъ въ Казань. Отецъ больного злоупотреблялъ спиртными напитками.

Въ Лечебницѣ обнаруживается вялость памяти и соображенія; плохо ориентуруется въ окружающей обстановкѣ. Высшія отправления душевной дѣятельности въ степени глубокаго упадка, совершенно безучастенъ и безразличенъ къ окружающему. Временами неопрятенъ. Насколько можно довѣрять больному, сообщилъ, что у него ранѣе былъ *lues*, но когда—онъ не помнитъ.

При анализѣ письма въ 1900 году, обнаружены пропуски буквъ слоговъ, легкая атаксія и тремор. Въ августѣ 1903 года у больного былъ припадокъ съ потерей сознанія—апоплектиформный. Больной находился нѣсколько дней въ постели. Въ ноябрѣ того же года отмѣчено, что письмо стало лучше, меньше пропусковъ и значительно ровнѣе. Въ январѣ отмѣчено новое ухудшеніе письма. Физически наблюдалось: отсутствіе кожныхъ рефлексовъ, разстройство походки съ характеромъ атаксии, треморъ въ рукахъ и головѣ по типу ритмическихъ покачиваній, фибриллярныя дрожанія въ языкѣ, маскообразная неподвижность фізіономіи,

опущение носо-губныхъ складокъ, расширение зрачковъ и вялая реакція на свѣтъ. Временами больной терялъ мочу.

Французы были въ
Москвѣ въ 1812 году

Приведенный образчикъ былъ написанъ во время ухудшенія психическаго состоянія въ октябрѣ—ноябрѣ прошлаго года. Больной былъ въ это время особенно вялъ, время проводилъ болѣе въ постели, совершенно не интересовался окружающимъ. Больной плохо воспринималъ окружающее, почти не отвѣчалъ на вопросы. Въ поясненіе къ приведенному образцу нужно дополнить, что написанное имъ должно было соответствовать фразѣ: „французы были въ Москвѣ въ 1812 году“,—продиктованной нами больному. Лишь очень слабо напоминаетъ написанное сказанную фразу,—однако, то, что именно ее хотѣлъ писать больной, доказываетъ сопоставленіе „врнц“ и далѣе „мас“, что повторено еще разъ—„мос“. Остальное разобрать очень трудно.

Мы были удивлены, когда въ январѣ этого года застали этого же больного за письмомъ къ своей женѣ. Состояніе было значительно лучше. Больной былъ живѣе, осмысленнѣе относился къ окружающему, не лежалъ постоянно въ постели, охотно ходилъ по отдѣленію и охотно исполнилъ нашу просьбу написать что-либо. Мы просили его написать: „не такъ живи какъ хочется, а какъ Богъ велитъ“. Онъ исполнилъ это, какъ видно изъ образца, со свойственными прогрессивному параличу особенностями, очень медленно, но по своему внѣшнему виду фраза неизмѣримо стоитъ выше предыдущей.

Не живи, тычешь, какъ
Богъ велитъ.

замѣтивъ, что подобный характеръ письма наблюдался приблизительно около года до самой смерти больного. Смѣсь атакическихъ явленій, явленій тремора, пропуски, косо идущія строки, краснорѣчиво говорятъ о діагностикѣ страданія.

Заканчивая главу о письмѣ паралитиковъ, мы упомянемъ еще вообще о наклонности ихъ къ письму. Въ этомъ отношеніи играетъ роль психическое состояніе больного, т. е. поскольку здѣсь примѣшиваются элементы маниакальнаго и бредового характера; по мѣрѣ выраженности слабоумія или при дементной формѣ болѣзни наклонность къ письму значительно угасаетъ.

Приведенными здѣсь образчиками далеко не исчерпывается весь имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ, получаемый, нужно сказать, отъ больныхъ подобнаго рода несравненно легче, чѣмъ при другихъ формахъ душевнаго расстройства, но и приведенные образчики даютъ основаніе сдѣлать слѣдующіе основные выводы.

1. Особенности письма прогрессивныхъ паралитиковъ могутъ быть разнообразны и выражаться препусками повтореніями, какъ буквъ, знаковъ пропинанія и цифръ, такъ и цѣлыхъ словъ; къ этимъ явленіямъ въ однихъ случаяхъ ранѣе, а въ другихъ позднѣе, присоединяются механическія расстройства письма въ формѣ атакіи и тремог'а. 2. Расстройства письма при прогрессивномъ параличѣ слѣдуетъ отнести къ числу раннихъ признаковъ болѣзни, при чемъ при оцѣнкѣ писемъ слѣдуетъ принимать во вниманіе не только упомянутые выше особенности, но и общее измѣненіе почерка, что сказывается небрежнымъ отношеніемъ къ самому письменному акту. 3. Въ письмѣ паралитиковъ можно наблюдать довольно значительныя колебанія и это послѣднее должно оцѣниваться съ точки зрѣнія ухудшенія или улучшенія психического состоянія больного.

Письмо при вторичныхъ формахъ слабоумія.

Однимъ изъ исходовъ различныхъ душевныхъ страданій является переходъ ихъ въ слабоуміе. Этотъ исходный стадій душевнаго недуга, представляя собирательную группу душевныхъ аномалій и находясь въ зависимости отъ предшествующаго страданія, отъ періода, въ которомъ мы его наблюдаемъ, наконецъ, отъ индивидуальныхъ свойствъ больного, проявляетъ, при кажущемся чисто внѣшнемъ однообразіи, цѣлый рядъ степеней, оттѣнковъ и комбинацій. Вотъ почему, анализируя письмо вторично слабоумныхъ, приходится ограничиваться общими признаками и уже въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, детально знакомясь съ документомъ, рѣшать вопросъ и о степени слабоумія и его происхожденіи.

Основнымъ руководящимъ моментомъ при анализѣ подобныхъ писемъ является положеніе,—поскольку соотвѣтствуетъ представленный документъ степени прежняго развитія и воспитанія больного, его общественному положенію, занимаемой должности и пр., а потому методъ сравненій съ предыдущими письмами является весьма важнымъ. Но и при отсутствіи этого общій характеръ слабоумія отражается въ письменномъ произведеніи. Для отличія отъ писемъ тупоумныхъ отъ рожденія можетъ служить оцѣнка того духовнаго матеріала, которымъ пользуется пишущее лицо, т. е. имѣемъ ли мы въ письмѣ матеріалъ пріобрѣтенный развитіемъ въ предшествующей жизни, но только искаженный, благодаря пониженію интеллекта, или же мы наблюдаемъ отсутствіе или недостаточность свѣдѣній, которыя данное лицо должно бы было нормально пріобрѣсть. Однако, слѣдуетъ

имѣть въ виду, что огромное разнообразіе въ степеняхъ тупоумія и слабоумія въ иныхъ случаяхъ по одному лишь письму не даютъ возможности съ должной точностью разрѣшить этотъ вопросъ.

На огромнѣйшее разнообразіе письменныхъ документовъ при вторичныхъ формахъ указываютъ Christoph von Schroeder, Marcé и мн. др., при чемъ Marcé считаетъ эту коллекцію скорѣе собраніемъ курьезовъ, чѣмъ матеріаломъ, которымъ можно было бы научно пользоваться, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ еще можно выяснитъ прежнее состояніе больного, напр. по отрывочнымъ бредовымъ идеямъ.

Christoph von Schroeder¹⁾ замѣчаетъ, что едва ли возможно съ одной точки зрѣнія характеризовать документы вторично помѣшанныхъ, смотря по степени расстройства представленій въ письмахъ могутъ сохраняться обрывки идейнаго содержанія больного, или же письма совершенно безсвязны и спутаны.

Бредъ, отражаемый въ письмѣ слабоумнаго, лишень уже явленій аффективности, о системѣ въ строгомъ смыслѣ не можетъ быть рѣчи, психическая слабость не позволяетъ уже выработать стойкихъ руководящихъ основъ, при чемъ въ письмахъ наблюдается распадъ прежней личности больного.

Не стоитъ труда, говоритъ Christoph von Schroeder, пытаться систематизировать письма слабоумныхъ.

Schüle²⁾ замѣчаетъ, что больные, одержимые психической слабостью, гораздо больше затрудняются письменнымъ выраженіемъ своей мысли, чѣмъ устнымъ, что объясняется тѣмъ, что для передачи словеснаго образа въ письмѣ требуется большая опредѣленность и отчетливость.

Это замѣчаніе должно имѣть большое практическое значеніе и въ вопросахъ о слабоуміи слѣдуетъ, для выясненія ея степени, предлагать больнымъ излагать свои мысли и письменно.

Проф П. И. Ковалевскій говоритъ, что по формѣ письма слабоумныхъ мало чѣмъ отличаются отъ письма

¹⁾ Christoph von Schroeder. Op. cit.

²⁾ Schüle. Руководство къ душевнымъ болѣзнямъ.

обыкновенныхъ людей. Въ ихъ письмахъ можно замѣчать небрежность, забывчивость, неряшливость. Больные нерѣдко перевираютъ имена, начинаютъ письма къ одному лицу, а кончаютъ къ другому. Слабоумные мало обращаютъ вниманіе на внѣшнюю опрятность письма и свои прошенія посылаютъ въ Петербургъ высокопоставленнымъ лицамъ на засаленной бумагѣ и пр.

Для примѣра мы можемъ привести письмо вторично слабоумной, достаточно иллюстрирующее безсвязность изложенія непоследовательность въ идеи письма и пр.

«Ея Превосходительству

Юліи Густавовнѣ

фонъ Р—ъ.

Отдайте мнѣ мое образованіе, мнѣ говорятъ что я образована, но только мнѣ нужно въ городѣ Казанѣ Лечебницѣ жить потому что я не животное, я не брала счетъ моего житья-бытья (далѣе неразборчиво) Корова я была Тро..., такъ больныя ругаются я есть необразованная, житья въ Казани города нѣтъ: хочу ѣхать въ Петербургъ потому что я сама Петербургская. Шефъ жандармъ А. Л. З. говоритъ Ватеръ-Клозетъ зеперѣть меня нужно довольно странно я офицера Румянцева не знаю, какъ живутъ въ Казани Лечебницѣ я барышня съ берега моря Гогарина, меня одна больная пригласила въ Петербургъ домой на берегъ моря а Вы другъ убійства дѣлаете говорятъ у меня жиниха нѣтъ» и т. д.

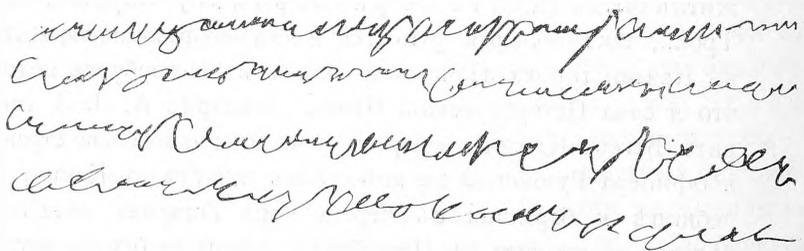
Письмо это адресовано родственницѣ больной. Написано на четырехъ страницахъ, но не окончено; мы приводимъ лишь небольшую часть письма, такъ какъ остальное исполнено въ томъ же духѣ.

Обращаясь къ внѣшности письма, нужно сказать, что она также можетъ быть весьма разнообразной. Въ одномъ случаѣ письмо сохраняетъ свою корректность, но поражаетъ отсутствіемъ смысла, тогда какъ въ другомъ,—самъ

внѣшній видъ говоритъ за то, что письмо могло быть исполнено лишь слабоумнымъ. Демонстрировать здѣсь такіе образчики является затруднительнымъ уже потому, что для этого надо передать и особенности бумаги, на которой уже по одному ея качеству, нужно было бы отказаться писать. Но слабоумный пишетъ не обращая вниманія, что написанное имъ расплывается до неузнаваемости, пишетъ на развернутомъ окурки папиросы, а иногда рисуетъ, пользуясь всѣмъ, что только способно пачкать бумагу.

Иногда больной пишетъ, или воображаетъ, что пишетъ, какъ ребенокъ, неумѣющій писать. Такой образчикъ мы приводимъ отъ больной страдающей паранойей, но теперь впавшей въ слабоуміе. Больная высказываетъ обрывки бредовыхъ идей величія (жена Іоанна Грознаго), говоритъ на многихъ языкахъ и можетъ писать.

Вотъ образчикъ ея письма.

Я Вася проѣху сообщитъ мое
родителю, чтобъ они ухаживали
за мной и т. д.

Больная совершенно неграмотная женщина. Вторая фраза написана нами; она должна служить переводомъ, хотя это была первая пришедшая намъ въ голову фраза, сказанная больной; больная вполне согласилась съ нами, что она именно это написала.

Образчикомъ корректнаго письма слабоумнаго можетъ служить слѣдующій отрывокъ:

*Транспортировка в годности
за 1892 г. почитайте, когда
служилъ у Д. И. Мосолова
служилъ изъ Бугурьвима онъ по
Луганъ 20-25.*

Больной, которому принадлежит приведенный образчикъ, биржевой маклеръ, 41 года, находится въ Лечебницѣ съ 1895 года. Съ 20 лѣтняго возраста пилъ водку и за годъ до поступления сталъ проявлять бредъ супружеской невѣрности. Не задолго до время поступления въ Каз. Лечеб. находился въ Нижегородской психiatr. больницѣ (съ диагнозомъ рагапоіа chronicа). На первыхъ порахъ въ К. Окр. Лечеб. высказывалъ идеи преслѣдованія, наблюдались обманы органовъ чувствъ; говорилъ, что ему рѣжутъ спину, его доктора морять и мучаютъ, подмѣшиваютъ въ пищу купоросъ; высказываетъ идеи, что жена ему не вѣрна. Временами подъ вліяніемъ обмановъ органовъ чувствъ бывалъ безпокоенъ, совершенно спутанъ. Слѣдя за состояніемъ его здоровья по исторіи болѣзни, можно заключить, что съ 1899 года больной становится болѣе спокойнымъ, индифферентнымъ къ окружающему, крайне однообразно ведетъ свою жизнь, стоитъ или сидитъ въ углу, рѣчь безсвязна, въ окружающемъ ориентируется плохо, дѣйствительность воспринимаетъ недостаточно, обрывки воспоминаній прошлаго перепутываются въ сознаніи больного съ дѣйствительностью.

Приводимый образчикъ, написанный четко, какъ человекомъ привыкшимъ къ канцелярскому письму, заключаетъ въ себѣ обрывки прежнихъ специальныхъ свѣдѣній биржевого маклера, перепутанныхъ съ воспоминаніями о когда-то встрѣчаемыхъ имъ лицахъ.

Мы приведемъ еще одинъ образчикъ прошенія слабоумнаго изъ коллекціи д-ра Н. Я. Смѣлова въ уменьшенной копіи.

Діагностика страданія указано на этомъ же образцѣ.

1883 года 23 ~~марта~~ ^{Сергеевъ Иванъ}
Болмицу ^{Демисуръ с тационе}
Помпеймоно ^{Свѣтлого}
^{Серебрянъ Супрунъ}

Господину врачу
на рассмотрение
моего дела я сергеево
Болмицу помещенъ въ болмицу
Болмицу родномъ моймъ

1882 года 22 дн ~~марта~~ ^{и 23} пробывъ тамъ
Октябрь 14 го 10 дн и 14 дн отпроехалъ

въ болмицу николай здравив-
рца и я находилса въ томъ
до 21 апрель 1882 год и прожилъ
Перевести въ болмицу
Помпеймоно Послы мой
Прозба была исполнена
мой теперь благодарно
земле доктора которой
выслалъ меня и я теперь
даровъ и прощаю мнѣ вса
Сминовъ наволно

Я реду все дерево покуда
Потому что умнее всего
Сопоставлять добро
Во петербургской губернии
Товарищ, уездной подлинной
Волостей деревни.
Аннава Крестьянинот
и волье Сербов
защиты мой оставил
Гру На и некроваго
са со щепоткой
и за то мнѣ въ оброчковомъ
Болнице селитроддеме
нужно въ вытесненномъ
Волье мое и селитроддеме
каждому; освободити
мне и одеждой
Здесь все какою
Сербову

Образчикъ нужно сознаться не является особенно демонстративнымъ, такъ какъ степень слабоумія выражено от-

носително слабо, но онъ является примѣромъ тѣхъ прошеній, которыя чрезвычайно часто подаются больными врачебному персоналу и въ которыхъ можно найти одновременно съ основной мыслью рядъ побочныхъ свѣдѣній и о никелированныхъ часахъ, о томъ что онъ самъ заѣдетъ за ними, и что одежда его находится въ цейхаузѣ и пр. пр. Кромѣ того въ этомъ прошеніи ярко выступаетъ крайняя небрежность и неряшливость формы, недопустимая въ прошеніи, не соотвѣтственное расположеніе письма, не говоря уже о самой внѣшности письма, которая должна быть отнесена къ безграмотности больного. Однако, безграмотный чловѣкъ или не возьмется писать прошенія, или же соблюдеть надлежащую форму.

Такимъ образомъ письма страдающихъ вторичнымъ слабоуміемъ слѣдуетъ оцѣнивать и по ихъ содержанію и по внѣшности. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ явное указаніе на слабоуміе, но рѣшаютъ вопросъ о происхожденіи послѣдняго приходится въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, соображаясь съ основными особенностями письма тѣхъ формъ, о которыхъ мы говорили выше.

Заключеніе.

Заканчивая разборъ особенностей письма при вышеуказанныхъ формахъ душевнаго разстройства и, поскольку позволили намъ средства, иллюстрируя эти особенности образчиками, мы сдѣлаемъ нѣкоторые выводы общаго характера по интересующему насъ вопросу.

Для насъ является несомнѣннымъ, что основной характеръ душевнаго страданія способенъ отражаться въ письменномъ произведеніи больного какъ въ его содержаніи, такъ и во внѣшности, а потому на письмо душевно-больныхъ мы должны смотрѣть, какъ на объективный фактическій признакъ душевной болѣзни.

Изучивъ въ рѣзкихъ проявленіяхъ особенности письма въ отдѣльности при каждой изъ формъ болѣзни, мы тѣмъ пріобрѣтаемъ возможность по этимъ основнымъ особенностямъ находить ихъ и въ комбинаціи, какъ на примѣръ, примѣсь къ паралитическому слабоумію явленій маниакальнаго возбужденія или спутанности, осложненія письма слабоумнаго явленіями двигательнаго возбужденія, или письма пораноика явленіями маниакальнаго, меланхолическаго состоянія до состоянія спутанности включительно. Исходя изъ этого, письмо, являясь діагностическимъ признакомъ страданія, можетъ служить иллюстраціей опредѣленнаго во времени состоянія душевно-больнаго, если изслѣдованіе письма ведется систематически и при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ.

Причина разстройствъ письма большинства разобранныхъ нами формъ душевныхъ страданій лежитъ въ моментахъ психическаго характера. Таковымъ является письмо

меланхоликовъ, маниаковъ, періодиковъ, страдающихъ циркулярнымъ психозомъ, при состояніяхъ спутанности и при паранойѣ; что-же касается писемъ прогрессивныхъ паралитиковъ и лицъ со вторичнымъ слабоуміемъ, то, хотя здѣсь также играютъ роль психическія моменты, какъ слабость памяти, соображенія, вниманія и пр., но въ основѣ этихъ послѣднихъ лежатъ уже явно органическія измѣненія мозговой ткани. За исключеніемъ вторичнаго слабоумія и прогрессивнаго паралича, разбираемая нами разстройства письма носятъ преходящій функциональный характеръ, хотя и при нихъ мы должны, конечно, допустить разстройства въ питаніи мозговой ткани, однако, необнаруживаемыя нами столь очевидно, какъ при органическихъ страданіяхъ.

Съ точки зрѣнія внѣшнихъ патологическихъ признаковъ мы наблюдаемъ при указанныхъ формахъ явленія полиграфіи (маниакальныя состоянія различныхъ формъ, паранойя, графоманія), олигографіи (меланхолическія состоянія, слабоуміе), тахиграфіи (маниакальныя состоянія, состояніе спутанности) брадиграфіи (меланхолическія состоянія, кататонія, слабоуміе, дементныя формы прогрессивнаго паралича), мегалографію (макрографія) (маниакальныя состоянія), наконецъ,—эхографію (кататонія).

Письмо, разбираемое не только по внѣшности, но и по содержанію, какъ мы видѣли, можетъ служить цѣлямъ психологическаго анализа больной личности, болѣе точной постановки діагностики различныхъ формъ душевныхъ разстройствъ, даетъ возможность проводить дифференціальный діагнозъ, помогая выясненію прогноза страданія, наконецъ, можетъ указывать намъ и на колебанія въ теченіи болѣзни.

Выполненія всего этого мы не можемъ конечно требовать отъ каждаго письма въ отдѣльности; мы должны принимать во вниманіе цѣлый рядъ условій, при которыхъ оно исполнено, точно такъ же, какъ мы это дѣлаемъ при психическомъ изслѣдованіи путемъ бесѣдъ съ больнымъ, но общія руководящія мотивы, побуждающія изслѣдовать письменную рѣчь больного, должны заключаться въ достиженіи вышеуказанныхъ цѣлей.

Изученныя особенности письма душевно-больныхъ могутъ найти практическое приложеніе въ смежной съ психіатріей области—въ судебной психопатологіи, а, идя далѣе,—быть переданными, какъ фактическое доказательство душевнаго страданія въ руки юристовъ, облегчая тѣмъ трудную задачу врача-эксперта на судѣ.

Вопросъ о письмѣ помѣшанныхъ, такимъ образомъ, можетъ дать обширное поле для изслѣдованія какъ въ медицинскомъ, такъ и юридическомъ отношеніи и заслуживаетъ большого вниманія, чѣмъ ему отводилась до настоящаго времени. Эти изслѣдованія не должны ограничиваться цѣлями исключительно клиническими, какъ это мы преслѣдовали въ данномъ случаѣ, но вопросъ должно поставить шире и, по намѣченномъ нами вѣхамъ, идти далѣе, вооружившись свѣдѣніями экспериментальной психологіи, а равнымъ образомъ изслѣдовать на способность письма всѣ формы душевнаго разстройства, что мы и намѣрены сдѣлать въ будущемъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Отъ автора	I.
Введеніе	1.
Физиологія и патологія письма	13.
Значеніе письма въ психіатріи и очеркъ литературы вопроса о письмѣ помѣшанныхъ	58.
Письмо при состояніяхъ меланхоліи	83.
Письмо при состояніяхъ мании	99.
Письмо при періодическихъ и циркулярныхъ психозахъ	110.
Письмо состояніи душевной спутанности	131.
Письмо параноиковъ	139.
Письмо „графомановъ“	179.
Письмо при состояніи преждевременнаго слабоуміи съ его разновидностями (по Краерelin'у)	139.
Письмо при прогрессивномъ паралачѣ помѣшанныхъ	201.
Письмо при вторичномъ слабоуміи	227.
Заключеніе	235.

